

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Взвешивания

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Взаперти : роман / Николай Свечин. – Москва : Эксмо, 2021. – 544 с. – (Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-04-154910-7

Конец 1911 года. Столыпин убит, в МВД появился новый министр Макаров. Он сразу невзлюбил статского советника Лыкова. Макаров – строгий законник, а сыщик часто преступает законы в интересах дела. Тут еще Лыков ввязался не в свое дело, хочет открыть глаза правительству на английские происки по удушению майкопских нефтяных полей. Во время ареста банды Мохова статский советник изрядно помял главаря. Макаров сделал ему жесткий выговор. А через несколько дней сыщик вызвал Мохова на допрос, после которого тот умер в тюрьме. Сокамерники в один голос утверждают, что Лыков сильно избил уголовного и тот умер от побоев... И не успел сыщик опомниться, как сам оказался за решеткой. Лишенный чинов, орденов и дворянства за то, чего не совершал. Друзья спешно стараются вызволить бывшего статского советника. А между тем в тюрьме много желающих свести с ним счеты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-154910-7

© Свечин Н., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

• 1 •

«ВЕРНУСЬ — И ПОГОВОРИМ...»

Двадцать пятого августа 1911 года Лыков зашел в приемную Курлова и вопросительно посмотрел на Сенько-Поповского. Тот развел руками:

— Никак не получается, Алексей Николаевич. С утра в бегах, я его почти не видел.

Сенько-Поповский был личным секретарем генерал-лейтенанта Курлова по его должности товарища министра внутренних дел. Умный, трудолюбивый и порядочный, он умел ладить со всеми и, случалось, подправлял своего высокомерного шефа. Сейчас Лыкову нужно было получить от Курлова согласие на встречу со Столыпиным. Секретарь обещал устроить доклад, но уже второй день Курлов не находил времени. Он только что вернулся из Белгорода, куда уезжал по делам охраны государя. Царская семья собиралась посетить этот город, чтобы присутствовать на открытии мощей святителя Иоасафа. Оттуда проехать в Киев на маневры, затем — в Чернигов

и Овруч, и уже оттуда в Крым до конца осени. Генерал отвечал за безопасность поездки и метался между указанными городами. Всего на два дня он вырвался в Петербург и ночью должен был отбыть в Киев. А без его согласия статский советник не мог получить аудиенцию у премьера.

— Где он сейчас, Леонид Андреевич?

— На Фурштатской, в штабе корпуса. Отдыхает у себя на квартире после беготни. Сами понимаете...

Лыков понял. Две недели назад в Киеве у Курлова случился удар. Несильный, но выбивший его из колеи. Утомившись за полдня, Павел Григорьевич решил отдохнуть у себя на Фурштатской, 40... По второй должности генерал-лейтенант состоял командиром Отдельного корпуса жандармов и жил в казенной квартире.

— Сюда заедет или оттуда сразу на вокзал? Может, мне там его ловить?

Сенько-Поповский убежденно ответил:

— Обязательно заедет. У него в шесть часов встреча с вашим Зуевым по неотложным делам Департамента полиции. Вот вместе с Нилом Петровичем и приходите. Вы насчет Майкопа хлопчете, я правильно помню? Об этом хотите разговаривать со Столыпиным?

— Об этом, Леонид Андреевич. Всем почему-то наплевать на наши экономические интересы. Но нельзя же совсем мозги растерять? Нет, я этого так не оставлю, буду бороться.

В начале лета Лыков вернулся из командировки в Екатеринодар¹, взволнованный открывшимися там обстоятельствами. Оказалось, нефтяные поля Майкопа попали под контроль английских промышленников. Пусть бы так: русского капитала для дорогостоящих проектов не хватает, нехай иностранцы помогают. Но в этом случае британцы скупили более девяноста процентов всех нефтеносных участков Кубанской области! Явный перебор в ущерб нашим национальным задачам. А главное, купили вовсе не для того, чтобы добывать нефть, а с целью заткнуть тамошние скважины. Не дать им развиться, а самим — получить сверхприбыли от эксплуатации нефтяных залежей в Баку и Грозном. В результате третье по богатству месторождение России было обречено на умирание — втайне от властей.

Возмущенный увиденным, сыщик начал ходить по столечным кабинетам и бить тревогу. Быстро выяснилось, что никого в Петербурге это не беспокоит. Алексею Николаевичу советовали забыть о Майкопе и заниматься своими прямыми обязанностями. А не докучать начальству... Первым в таком духе высказался сам Курлов. Статский советник не унялся и добился встречи с министром финансов Коковцовым и министром промышленности и торговли Тимашевым. Оба сановника затратили на беседу по пять минут, взяли для изучения доклад, подготовленный сыщиком, и выпроводили его вон. Встречи не имели ни-

¹ См. книгу «Кубанский огонь». (Здесь и далее — *примеч. авт.*)

каких последствий. А ведь именно Тимашев отвечал за развитие отечественных производительных сил. Ученик и давний сослуживец Коковцова, он перенял у шефа его безразличие и апломб, а тут какой-то мелкий полицейский чин бьет тревогу. Шел бы лучше жуликов ловить!

Алексей Николаевич понял, что ему нужны союзники. Таковыми с самого начала были военные. Сухомлинов¹ следом за Лыковым прислал в Екатеринодар своего офицера, капитана Продана, с заданием разузнать, что происходит на нефтяных промыслах области. Нет ли там засилья иноземцев? Каковы перспективы добычи важнейшего для армии и флота топлива? Капитан, старый приятель сыщика, провел секретное дознание и убедился, что англичане сознательно губят месторождение. При попустительстве администрации Кубанской области. Лыков несколько раз встречался с ним по возвращении в столицу. Игорь Алексеевич с грустью рассказал, что рапорт он министру вручил, а толку от этого шиш. Сухомлинов занят домашними делами и все более манкирует службой. Вроде бы он разделяет беспокойство контрразведки, на словах готов помогать. Но на деле не так. Нужна поддержка сильных мира сего, которым не безразлична экономическая безопасность империи. Например, Столыпина. Он патриот и умный человек, хотя в последнее время и забронзовевший.

Алексей Николаевич стал готовить новый рапорт — на имя премьер-министра. Чтобы подкрепить свои идеи, он

¹Сухомлинов В. А. — военный министр.

советовался с генерал-майором Таубе. Тот отошел от непосредственного руководства военной разведкой, читал лекции в Академии Генерального штаба, заседал в Совете Военного министерства. Виктор Рейнгольдович как никто другой знал англичан и их давнюю неприязнь к России. Много лет он сталкивался с британской секретной службой на отрогах Тянь-Шаня, боролся с ее агентурой в Средней Азии, создавал нашу сеть в Индии. Таубе дал другу ценные советы. Он предложил инициировать несколько статей в прессе о событиях на Майкопских промыслах. А еще организовать соответствующий запрос в Государственной думе. Столыпин наладил тесное сотрудничество с думскими партиями и не сможет игнорировать их обеспечение нефтяными делами.

Лыков с Таубе и Проданом разработали целую программу по спасению «майкопского чуда», которое угасало на глазах. Сейчас требовалось решение премьер-министра о поддержке русских нефтепромышленников. Вот для этого сыщик, которого Столыпин хорошо знал и ценил, и рвался к нему на доклад. Однако опять случилась заминка. Петр Аркадьевич получил от государя двухмесячный отпуск и уединился в своем имении Колноберже до конца августа. Лишь дважды за все лето он ненадолго появился в столице.

Июльский визит сыщик упустил и очень надеялся на второй приезд премьера¹. Но снова не вышло. Начальство

¹ Вторым приездом Столыпина в Петербург длился с 1 по 5 августа 1911 года.

спешно командировало статского советника в Забайкалье. Там строилась Амурская железная дорога. Огромные деньги, большое количество случайных людей и близость каторги сделали стройку весьма привлекательной целью для бандитов. Вдоль полотна были разбросаны поселки, в которых жили богатые инженеры и подрядчики. Каждый день кого-то из них грабили и убивали. Поселки были переполнены всяким сбродом: ссыльными, беглыми каторжниками, китайскими спиртоносами, золотоискателями, спившимися военными топографами, японскими шпионами... Крупная народнохозяйственная стройка превратилась в уголовное Эльдorado, в гнойник, стоивший многим жизни. Особенно усердствовали кавказцы. Они открыли на будущих станциях «столовые», а в действительности уголовные притоны, где квартировали банды. Хозяева заведений содержали их и скупали кровавую добычу. Лыков еще в Иркутске познакомился с грабительской организацией сибирских кавказцев¹. Когда у Приамурского генерал-губернатора Гондатти² лопнуло терпение, он телеграфировал в столицу и попросил прислать волкодава.

Алексей Николаевич прибыл в только что учрежденный городок Алексеевск, названный так в честь наследника-цесаревича. Год назад это был грязный поселок Суражевка, знаменитый огромным железнодорожным

¹ См. книгу «Столица беглых».

² Гондатти Н. Л. — исследователь Сибири, шталмейстер, действительный статский советник, в 1911–1917 годах генерал-губернатор Приамурского края.

материальным складом. Еще здесь Зея впадала в Амур и делала его судоходным. То есть в городке пересекались две транспортные артерии, поэтому отбоя от преступного элемента не было. Сыщик приехал инкогнито, с одним лишь Азвестопуло, и устроил в Алексеевске базис. Они быстро выявили сорок (!) притонов, в каждом из которых жила своя банда. Самыми сильными считались кутаисцы, их подпирала «международные силы» — турки и курды. В одну ночь все притоны были захвачены полицией, при поддержке казаков. Уголовных засадили в тюрьму, а их покровителей, имевших чистые документы, выслали обратно на Кавказ и запретили возвращаться. Так Амурская железная дорога была очищена от сброда, а Лыков снова не попал к Столыпину.

Теперь, в конце лета, премьер-министр уже вовсю трудился на своем хлопотном посту. Но попасть к нему было невозможно: за отпуск у просителей накопилось множество дел. Скромный статский советник всегда оказывался в конце очереди. Затем Столыпин тоже собрался в Киев. Вместе с государем он должен был присутствовать на маневрах Киевского военного округа. В последних числах августа он уедет. Оставалось всего два дня, даже полтора. А тут Курлов никак не мог найти минуту, чтобы встретиться с подчиненным и дать согласие на разговор...

— Ну, до вечера, Леонид Андреевич. Подготовьте нашего шталмейстера, будьте добры. Чтобы знал, что статский советник Лыков будет его терроризировать...

— Подготовлю непременно.

Курлов, помимо чина генерал-лейтенанта, имел также придворное звание шталмейстера, что служило поводом для насмешек за его спиной. Вообще-то военные состояли в Свите Его Величества. Но товарищу министра и командиру корпуса жандармов места в свите не нашлось.

До встречи с начальством Алексей Николаевич успел повидаться со знаменитым журналистом Меньшиковым. Лучший публицист суворинского «Нового времени» мог привлечь общественное внимание к майкопским порядкам хлесткой статьей и был готов помогать. Все знали: «Новое время» — единственная газета, которую государь читал ежедневно... Сыщик рассказал Михаилу Осиповичу, что творится на Кубани. Меньшиков был ошарашен и несколько раз переспрашивал собеседника:

— Неужели это правда? Девяносто два процента участков у англичан? И они закрывают скважины? Куда же смотрят власти?

— Местные — в отчеты. Англичане платят арендную плату? Да, и вполне исправно. Больше ничего казаков не интересует.

— А столичные?

— Столичные не занимаются такими вещами. Делают вид, что это их не касается, пусть решают на местах. И еще есть подтекст...

Статский советник многозначительно замолчал. Журналист начал гадать:

— Ну? Опять наша извечная боязнь обидеть Альбион?

— Хуже. После подписания соглашения в тысяча девятьсот седьмом году англо-русская распря, которой почти сто лет, вроде бы прекратилась. Скоро начнется европейская война, и наши дипломаты надеются, что Лондон присоединится к союзу Парижа и Петербурга. Ради этого умозрительного шанса они готовы терпеть любые выходки англичан. Любые!

Лыков нахмурился и продолжил:

— Есть старая глупая идея, которой почему-то одержима русская дипломатия...

— Проливы? — сообразил Меньшиков.

— Именно. Сазонов¹ надеется, что совместное участие в войне сблизит нас с британцами настолько, что они сжалятся над Россией и помогут нам изменить режим Проливов в свою пользу. Чтобы русские корабли, включая и военные, могли проходить в Средиземное море и обратно без согласия султана. По-моему, это утопия. Подданные короля не столь наивны. Они с легкостью будут воевать с германцами до последнего русского солдата и кормить Сазонова обещаниями. А попутно грабить майкопскую нефть, препятствовать нашему судоходству, подкармливать думскую оппозицию, раздувать панисламизм в Средней Азии. Давайте хотя бы нефть вернем, а?

— Давайте, Алексей Николаевич. Я могу оставить себе ваш доклад министру внутренних дел?

— Конечно.

¹Сазонов С. Д. — министр иностранных дел.

— И сослаться в газете на ваши наблюдения, с указанием чина и должности?

— Вот тут не знаю, Михаил Осипович. Все ж таки я на коронной службе. Должен получить на это разрешение министра. Надеюсь повидаться с Петром Аркадьевичем накануне его отъезда в Киев и сразу же телефонирую вам, скажу, получил ли согласие.

Сыщик и журналист расстались вполне дружески. Ободренный чиновник поехал в родной департамент. Меньшиков — сильный союзник, хоть и не все его взгляды Лыков разделял. Например, на еврейский вопрос они смотрели по-разному, и угар национализма, присущий очеркисту, коробил Алексея Николаевича. Но тут уж не до белых манжет. Правительство демонстрировало наплевательское отношение к интересам страны. Трудно спорить с собственным начальством, будучи у него на службе... Вылететь в отставку Лыков не хотел. Жить-то будет на что, капитал накоплен. Но чем наполнить жизнь? Шук ловить в Ветлуге?

На Фонтанке, 16, статский советник первым делом направился к Зуеву. Директор Департамента полиции не обрадовался новости, что он пойдет на доклад к Курлову в сопровождении подчиненного. Шеф сильно не одобрял намерения Лыкова и всячески отговаривал его.

— Опять за старое? Сломишь себе голову на этом Майкопе, помяни мое слово. Твое дело какое? Ловить убийц и выполнять иные приказания начальства, — принялся брюзжать директор. — Зачем нарываешься?

— Так ведь гадит англичанка, Нил Петрович. И даже не стесняется, знает, что ей за это ничего не будет. Тошно смотреть.

— Ты сыщик! А не дипломат, прости господи... Если не поп, в рясу не лезь!

Зуев сложил перед собой руки и продолжил жалостливым голосом:

— Слышь, Алексей, ну отступи на сей раз. Плохо это для тебя кончится.

— Мстить, что ли, они мне будут? В русском государстве русскому чиновнику, почти что генералу? Замучатся.

— А ты не знаешь, насколько хватит британских возможностей. В случае чего, наши с Певческого моста¹ легко променяют тебя на какую-нибудь пустую подачку от Уайтхолла.

Лыков возразил:

— Прodelки в Майкопе — дело рук не Уайтхолла, там частная инициатива нефтепромышленников. Не настолько они сильны здесь, в Петербурге. Просто нувориши, богатенькие и зазнавшиеся. Британскому правительству до таких нет дела. Я их парламентаря в екатеринодарской гостинице с лестницы спустил, так он даже в полицию не обратился.

Зуев сокрушенно покачал головой:

— Это ты зазнался! А если бы парламентар жалобу подал мировому?

¹Возле Певческого моста находилось здание российского Министерства иностранных дел.

— Не подал и не подаст, — убежденно парировал статский советник. — Потому как дело темное, свету не терпит. Так что... бери меня на прием и не скрипи.

В результате ровно в шесть пополудни два советника — тайный и статский — вошли в кабинет Курлова. Тот поднял голову и сразу скривился:

— Опять про Майкоп пришли говорить? И охота вам...

— Павел Григорьевич, — начал Зуев, — я полностью разделяю ваше мнение. Но Лыков настаивает. А он имеет такие заслуги по своей предыдущей службе, что я не могу ему отказать. Точнее, могу, но не хочу.

Нынешним вечером Курлову с Зуевым предстояла очередная аудиенция у Столыпина. Петр Аркадьевич занимал одновременно две должности: премьер-министра и министра внутренних дел. В последнем качестве он дважды в неделю принимал доклады по Департаменту полиции, важнейшему в структуре государственного управления. Доклады эти делал Зуев, но обязательно в присутствии Курлова как заведующего полицией. Столыпин не терпел плохих докладов, и товарищ министра хотел тщательно подготовиться. А тут вопрос, не относящийся к делу. Однако генерал-лейтенант тоже не мог игнорировать настойчивое желание Алексея Николаевича. Как-никак чиновник особых поручений МВД в пятом классе, уважаемый человек, известный всему служилому Петербургу.

— Ну, что вы хотите? — пробурчал Курлов. — Попасть к премьеру? Знаете ведь, что он послезавтра уезжает в Киев. Ему не до вас, понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство, — сдержанно ответил Лыков. — Но настаиваю на своей просьбе.

Товарищ министра вздохнул, покосился на Зуева, словно хотел сказать: ну и подчиненные у тебя, старый гриб... Помолчал секунду и кивнул на дверь:

— Хорошо. Идите к Сенько-Поповскому и прикажите от моего имени записать вас на прием к Столыпину.

— Благодарю! — по-военному щелкнул каблучками статский советник и вышел.

Утром следующего дня он маялся в приемной премьер-министра. После покушения на Аптекарском острове в 1906 году, едва не стоившего Петру Аркадьевичу жизни, тот несколько месяцев скрывался от бомбистов в Зимнем дворце. Потом переехал на правительственную дачу на Елагином острове. Но волну террора удалось остановить, и вот уже второй год премьер квартировал на Фонтанке, 16. Так что идти сыщику пришлось недалеко, в соседний подъезд. Однако тут он застрял накрепко. Накануне отлучки Столыпина к нему хотел попасть чуть ли не весь ареопаг. Перед статским советником сновали директора департаментов, министры, иностранные посланники и высшие духовные лица. Просидев в углу два с половиной часа, Алексей Николаевич начал ходить по огромной приемной, пытаясь привлечь к себе внимание личного секретаря премьера коллежского советника Граве. Но тот игнорировал маневры сыщика. Тогда Лыков отловил в толпе подполковника Отдельного корпуса жандармов Пиранга. Пиранг отвечал за охрану Столыпина и выполнял часть

секретарских функций. По роду службы жандарм и полицейский чиновник были хорошо знакомы.

— Помогите попасть к шефу, Ричард Юльевич! Кажется, я высидел положенный ритуалом срок.

— Сейчас выйдет Сазонов, и я вас запущу, — ответил подполковник. — Только вы, пожалуйста, быстро. А то следом очередь Кассо¹, а он сами знаете какой... Вспыльчивый бессарабец!

На этих словах дверь распахнулась, и на пороге появился министр иностранных дел. Он явно был чем-то расстроен. Пيرانг шмыгнул в кабинет, через полминуты, высунувшись в приемную, поманил сыщика пальцем. Тот торопливо сунулся следом.

— Здравствуйте, ваше высокопревосходительство. Благодарю за потраченное время, я понимаю, что оно у вас на вес золота.

Столыпин, постаревший и какой-то поблекший, посмотрел на посетителя и кивнул на стул:

— Садитесь, Алексей Николаевич. Скоро у меня этого времени будет полно. И цениться оно станет на вес чугуна, а не золота.

В голосе премьера прозвучала горечь. Лыков подобрался. Слухи, что дни Столыпина на премьерской должности сочтены, ходили по Петербургу уже давно. Неужели все так плохо? И кого тогда просить о помощи? Уходящему с поста сановнику точно не до Майкопа. Однако девать

¹Кассо Л. А. — министр народного просвещения.

ся было некуда, и сыщик сжато отрапортовал о ситуации в Кубанской области, не забыв при этом сослаться на мнение военных. Статс-секретарь слушал вполуха, и Алексей Николаевич понял, что на него опереться не удастся. Все же он договорил до конца и закончил просьбой взять вопрос с Майкопским месторождением под свой контроль. Чтобы вернуть его отечественному капиталу и тем обеспечить потребности армии и флота в нефтепродуктах.

— Значит, девяносто два процента всех участков переданы англичанам? — переспросил премьер.

— Точно так. А они ничего не добывают. Скважины закупорены, оборудование не завозится. Более того, когда русские промышленники начинают качать нефть, им предлагают выгодно продать долю и катиться ко всем чертям...

— Хм. Но ведь формально ничего не нарушается? Арендная плата поступает в казначейство?

— Да. Если смотреть формально. А национальные интересы? А скорая война, при которой расходы мазутного топлива многократно возрастут?

— Есть еще Баку и Грозный, — напомнил Столыпин. — Оттуда возьмем.

— Так ведь там те же британцы!

— Ну и что? Они делают... как его? Бизнес. Там качают, а не закупоривают.

— Петр Аркадьевич, но как же можно столь важный вопрос отдать на откуп иностранцам? — повысил голос статский советник. — Хоть эфиопам, хоть пигмеям — никак нельзя. А уж сынам Альбиона тем более.

— Согласен, — буркнул Столыпин. Он откинулся на спинку кресла и даже на секунду прикрыл глаза. Чувствовалось, что разговор премьеру малоинтересен и даже тяготит его.

Льков молча ждал, сидя на стуле в положении «мирно». Прошла минута, статс-секретарь размышлял, медленно и натужно, будто ворочал камни. Алексей Николаевич вспомнил о разрушающемся здоровье Столыпина: сердечная недостаточность и Брайтова болезнь¹ сделали из него почти инвалида, но от общества это тщательно скрывали. Наконец премьер поднялся и протянул сыщнику руку:

— Я уяснил, буду думать. Рапорт оставьте у меня и ступайте.

— А?..

— Вернусь из Киева и поговорим.

— Слушаюсь. Я могу сообщить эти сведения Меншикову из «Нового времени»? Чтобы он в статье сослался на меня с указанием фамилии и чина? Михаил Осипович готов поддержать.

— Нет, сначала я сам прочитаю. Тогда и решу.

— Слушаюсь.

— Да, пока не забыл, — перехватил собеседника уже возле двери премьер. — Как там Гондатти? Остался доволен вашей командировкой на Амурскую дорогу?

— Точно так, ваше высокопревосходительство.

— Еще бы. Ну, ступайте...

¹ Брайтова болезнь — тяжелое почечное заболевание.

Лыков не успел выйти, как его едва не сбил с ног следующий посетитель. Сыщик отошел в угол, осмотрелся. В приемной толпилось более тридцати человек. Какой уж тут рапорт...

В ночь на 2 сентября Алексей Николаевич был разбужен телефонной трелью. Он вскочил с дурным предчувствием, посмотрел на часы: половина четвертого. Что-то недоброе случилось. Уж не с сыновьями ли? Павлука в Альпах, Николка в Тибете; и там и там было опасно. Сыщик поднял трубку и услышал сильный от волнения голос Сенько-Поповского:

— Алексей Николаевич, вы? Беда! Только что телефонировали из Киева. В городском театре стреляли в Столыпина.

— Что?! Как он, жив?

— Тяжело ранен. Судя по всему, смертельно... Вот такие дела. Горе-то какое...

Сыщик услышал, как секретарь всхлипнул на том конце линии, и положил трубку.

Из спальни выглянула жена:

— Леша, что случилось?

— Свари мне сей же миг кофе покрепче.

Ольга Дмитриевна не сдвинулась с места, вопросительно смотрела на мужа.

— Столыпин ранен в Киеве. Возможно, смертельно.

Оконишникова ахнула и закрыла лицо руками.

— Поеду в департамент. Вари, не трать время.

Прибыв на Фонтанку, статский советник узнал у дежурного чиновника подробности. Премьер-министр тяжело

ранен в театре на спектакле «Сказка о царе Салтане». Террорист дважды выстрелил в него в упор. Одна пуля попала в руку, а вторая пробила грудную клетку и задела печень. Раненый помещен в частную клинику доктора Маковского, делается все возможное для его спасения. Столыпин в сознании и сильно страдает... Состояние Петра Аркадьевича очень тяжелое, но врачи надеются на благополучный исход. Операция по извлечению пули назначена на утро. Обязанности председателя Совета министров исполняет его заместитель по этой должности Коковцов.

Известно также, что стрелял еврей, жители Киева об этом уже узнали, и в городе ждут страшного погрома. А войска гарнизона на маневрах, защитит иудеев некому. Жуть!

Лыков закрылся в своем кабинете и стал доканчивать накопившиеся дела. Настроение было отвратительное. У него из головы не шли слова Столыпина: «Вернись — и поговорим». Состоится ли обещанный разговор? Сейчас Петр Аркадьевич на волосок от смерти, ему ни до чего. Эх! Такого человека не уберegli.

Утром дежурный сообщил: Коковцов вызвал в Киев три казачьих полка, они окружили Подол и другие кварталы, заселенные преимущественно евреями, и не пускают туда погромщиков. «Иерусалимские дворяне»¹ плачут и молятся, угроза постепенно утихает. Премьеру сделали операцию, но состояние остается тяжелым.

¹ Евреи (*ирон.*).

Дни тянулись в напряженном ожидании. Лыков и многие из чинов Департамента полиции сидели на службе до глубокой ночи, ждали новостей из Киева. А те делались все более и более зловещими.

Со второй половины дня 4 сентября стало ясно, что дни Петра Аркадьевича сочтены. Он сильно страдал, находясь в ясном сознании. К вечеру началась страшная икота, отнявшая у раненого последние силы. В ночь с 5 на 6 сентября Столыпина не стало.

• 2 •

КОРЯВО...

Двадцатого сентября у МВД появился новый министр — Макаров. В ведомстве его хорошо знали: с 1906 по 1909 год Александр Александрович служил у Столыпина товарищем, то бишь заместителем, и курировал полицию. Потом ушел в государственные секретари. Теперь, когда должность министра внутренних дел стала вакантной, по рекомендации нового премьера, Коковцова, государь назначил на нее Макарова. Сразу начались перемены в верхних кругах. Самый умный из товарищей, Крыжановский, ушел. Коковцов именно его предлагал государю в сменщики погибшего. Но тот помнил, что Крыжановский в свое время был близок с Витте, и отказал. Николай Второй никак не мог простить последнему, что тот заставил его подписать

манифест 17 октября... Лыков особенно жалел об уходе этого человека. На две головы выше любого столичного бюрократа (за вычетом, конечно, Кривошеина¹), Крыжановский был тайным идеологом многих столыпинских реформ. При этом он не лез на первый план и ловко манипулировал премьер-министром. Убеждал его проводить свои идеи, которые Столыпин охотно присваивал, а сам оставался в тени. В частности, именно Сергей Ефимович так переделал избирательный закон, что Третья Государственная дума получилась управляемой и в целом союзной правительству. Теперь, когда подошло время выборов в новую Думу, этим скользким вопросом стал заниматься Харузин. Хороший этнограф и антрополог, он оказался плохим администратором. Макаров взял его в товарищи отчасти потому, что оба они происходили из богатых торговых семейств. Так важнейшее министерство попало в купеческие руки... Выборы отнимали у власти много времени, внимания и денег. Харузин делил секретные фонды между губернаторами, давил на них, требуя всеми правдами и неправдами тащить в депутаты послушных людей. Делал он это топорно, в обществе зрело недовольство.

Департамент полиции, в котором служил Алексей Николаевич, от выборов был далек. Его куратором вместо Курлова стал Золотарев. Дела шталмейстера были плохи.

¹Кривошеин А. В. — главноуправляющий землеустройством и земледелием, ближайший сотрудник Столыпина по аграрной реформе.

Совет министров решил предать суду его, заведующего дворцовой охранной агентурой Спиридовича, начальника Киевского охранного отделения Кулябко и вице-директора Департамента полиции Веригина. За то, что эти раззявы своими неумелыми действиями в Киеве погубили Столыпина. Первый департамент Правительствующего сената назначил предварительное следствие. Все его фигуранты были отстранены от должностей. Следствие вел сенатор Трусевич, бывший директор Департамента полиции и личный враг Курлова. От него не приходилось ожидать объективности, но в верхах это никого не волновало. А у Зуева с Лыковым появился новый начальник.

Игнатий Михайлович Золотарев был из судейских. Повседневную полицейскую службу он знал плохо и старался держаться от нее подальше. Когда Трусевича «ушли», Столыпин дважды предлагал ему освободившееся кресло. Оба раза Золотарев отказывался, говоря: там нужны особые свойства, а они у меня отсутствуют. На самом деле он боялся как ответственности, так и рисков, связанных с этой должностью. В конце концов директором стал Нил Петрович Зуев. К большому удовольствию чинов Департамента полиции... Теперь Золотарев взобрался еще выше по карьерной лестнице, но привычек не изменил. Очень ленивый, старающийся избегать конфликтов, более всего он ценил высокое жалованье и комфорт. С его приходом в МВД должность заведующего полицией была упразднена. Игнатий Михайлович курировал два департамента — полиции и духовных дел иностранных исповеданий, а так

же техничеcко-строительный комитет. Дела охраны правопорядка шли у него не на первом плане. По-прежнему, как и при Столыпине, Зуев докладывал министру дважды в неделю. Товарищ министра присутствовал при этих докладах, но по большей части молчал. Наверху господствовали дилетантизм и формалистика. Тон всему задавал, как и полагается, сам министр.

Макарова называли в верхах «честным нотариусом». Упрямый и ограниченный, он любил работать с бумагами, засиживаясь над ними до пяти часов утра. И считал это главным своим делом. Вся его служба прошла по судебному ведомству, среди писанины, вдали от настоящей жизни. Макаров быстро попал под влияние своих подчиненных, таких как Золотарев с Харузиным. Для Лыкова наступили трудные дни. После крупных фигур: Плеве, Дурново, Столыпин — к рулю пришли ничтожества. Нил Петрович сидел тише воды ниже травы и считал дни, когда его освободят от директорства и переведут в сенаторы. Полицейская служба встала. Никто ничего не инициировал, все ждали команды сверху. А там занимались только выборами в Четвертую думу... Какое уж тут спасение «майкопского чуда»! Все усилия статского советника в этом вопросе упирались в стену. Но он не отчаивался. Есть Меньшиков, есть военные, нужно в дурацкую стену колотить, и в конце концов она рухнет.

Когда пертурбации в МВД закончились, Лыков напросился на доклад к министру. Они были давно знакомы, Александр Александрович с виду благоволил сыщику. Но в этот раз беседа не задалась. Тайный советник сразу

спросил статского: какое тому дело до майкопских нефтяных приисков? Ответ, что это касается безопасности империи, что скоро война, что англичане обнаглели — не впечатлил Макарова. Он стал поучать собеседника: каждый должен заниматься только своими прямыми обязанностями. И точка! Нудный, при этом высокомерный и брюзгливый, министр отчитал подчиненного и выгнал. Решив, что научил дурака уму-разуму. Алексей Николаевич ждал чего-то подобного и не сильно расстроился. Встреча была необходимой формальностью. Поговорили — теперь можно действовать дальше.

Между тем служба шла своим чередом. В первых числах декабря Лыков в очередной раз едва не погиб. История вышла занятная. Они с Азвестопуло получили приказ выявить, куда делись ценности со склада таможни при Финляндской железной дороге. Неизвестные похитили две тысячи золотых мужских часов модели Extra Plates. Причем самых дорогих — глухих, анкерных, с брегетовским волоском¹ и репетицией в четверть часа. Триста рублей штука! Еще пропали пятьсот сорок биноклей Minix-6, предназначенных для армии. Что самое неприятное, таможня недосчиталась также сорока пистолетов систем «Штайер» и «Астра». Именно поэтому к дознанию привлекли Лыкова, который обычно не занимался кражами.

Пропаж пистолетов имела последствия. Петербургская сыскная полиция зафиксировала всплеск воору-

¹Брегетовский волосок — уравнительный маятник.

женных нападений в столице и пригородах. Были убитые и раненые. Макаров приказал помочь градоначальству. Все лучше, чем болтать про Майкоп. Сыщики договорились с Филипповым¹, что объединят усилия. Алексей Николаевич вызвал по очереди на явочную квартиру четырех человек из своей личной агентуры. Поставил им задачу купить оружие без разрешительных документов. Хотя революция давно затихла, ограничения на продажу оружия, введенные в девятьсот пятом году, остались в силе. Без бумаги от участкового пристава в магазине отказывались отпускать даже дрянной «велодог»². Осведомители отправились на поиски, и вскоре Антип Лавочкин принес новый австрийский «штайер» в заводской смазке. Купил за четвертной билет! Продавцом выступил некий Вовка Держивморду, темный человек из Ропшинской лавры.

Дом номер пятнадцать по Ропшинской улице давно был у полиции на дурном счету. Его облюбовали воры и налетчики, перебравшиеся сюда из отживающей век Вяземской лавры. Городская дума решила прикрыть старинную клоаку. Ее тринадцать корпусов по очереди сносили, на их месте должен был появиться крытый рынок. Вовка Держивморду проходил по сыскной картотеке как рецидивист. Он отсидел шесть лет за грабеж и не имел права проживать в Петербурге. Однако спокойно проживал. Настоящее его имя

¹Филиппов В. Г. — начальник Петербургской сыскной полиции (ПСП).

²«Велодог» — примитивный револьвер, который покупали велосипедисты, чтобы отбиваться от уличных собак.

было — Владимир Мохов, крестьянин из вологодских. Похоже, что Вовка взялся за старое. В одной с ним квартире поселились еще четверо уголовных, состоявших на учете. Околоточный явно имел с них хорошую мзду, поскольку ребята не прятались. Деньги у них водились, а чем занималась шайка, понять было трудно. Видать, торговали ценностями, выкраденными с таможни. Но как это доказать?

Лыков решил выступить в роли покупателя. К этому его подтолкнуло одно обстоятельство. Когда он на Офицерской¹ просматривал картотеку, то сразу узнал Держивморду по фотографической карточке. Вытянутое лицо, раскосые глаза, левое ухо чуть выше правого — приметная наружность. Алексей Николаевич встречался с ним в Москве в 1907 году, когда дознавал железнодорожные кражи². Тогда бандиты из шайки Згонникова застрелили старого приятеля сыщика, Петра Фороскова. И едва не закопали самого Лыкова. Он схватился один с семерыми и был избит до полусмерти. Жандармский унтер-офицер Деримедведь выкрал потерявшего сознание пленника из-под носа бандитов, чем спас ему жизнь. Так вот, двоих из злодеев Лыков тогда сумел убить, а остальных запомнил в лицо. Хотя плохо соображал под ударами, но привычка составлять портреты подозреваемых сработала автоматически. Этот человек, Вовка Мохов, был в той коdle! Один

¹ По адресу Офицерская, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

² См. книгу «Узел».

из убийц Фороскова остался безнаказанным. Вовремя сбежал из Москвы в Петербург и запутал следы.

Статский советник сразу загорелся. Взять негодяя и посадить его! Конечно, ту схватку в Первопрестольной не предъявишь: свидетелей нет. Но хоть за проделки с оружием наказать. Глядишь, еще что-нибудь найдется, так и натянем на каторгу, думал сыщик. Только надо сцапать Вовку самому. Это и будет месть.

Льков с помощником стали думать над операцией. Людей Филиппова решили не привлекать, обойтись служительской командой Департамента полиции. Там народ калиброванный, и не таких вязали... Сыщики сходили в Ропшинскую лавру, загримировавшись под жуликоватых евреев. Приценились к квартирке на втором этаже, поцокали языками: дорого! А заодно провели рекогносцировку местности. Шайка Мохова проживала выше этажом. Один из нее попался полицейским на лестнице — типический злодей. Крупными буквами на лице написано, что с таким в глухом переулке лучше не встречаться. Парень тащил наверх корзину с пивом, из батареи бутылок торчало горлышко с белой головкой¹. Он недовольно покосился на «иудеев», буркнул:

— Христа распяли, сволочь...

Сыщики вжали головы в плечи и засемили вниз. Когда они вышли за ворота, Алексей Николаевич деловито сказал:

¹Водка с белой головкой была дешевле и хуже по сравнению с так называемой красной головкой.

— Сейчас же.

— Чего тянуть? — поддержал Сергей. — Там пива штук двадцать. Водкой разбавят — самое время пеленать.

— Вызывай ребят.

Азвестопуло зашел в аптеку, телефонировать в департамент. Лыков прогуливался по тротуару. В нужном им подъезде кто-то переезжал. Артельщики сновали туда-сюда, таскали скарб. Подкатил ломовик, крепкие мужики потащили наверх мебель. Люди занимались своим делом, все было спокойно. «Даже хорошо, что переезд, — подумал статский советник. — Отвлекут внимание, среди такой толпы легче затеряться».

Вышел Азвестопуло и доложил: арестная команда прибудет через час. Сыщики быстро ушли прочь от дома, некоторое время слонялись в окрестностях. На двух иудеев не обращали внимания, разве что дворники подозрительно косились.

Через час за углом лавры встали три пролетки. Вышли шесть дюжих мужчин, неброско одетых, с заурядными лицами. Старший, не имеющий чина Александров, доложил статскому советнику:

— Участковый пристав предупрежден и явится через десять минут с нарядом городских.

— Начинаем немедля, — приказал Алексей Николаевич. — Я подымаюсь, стучу в дверь и ровно через три минуты выхожу обратно. К этому моменту вы уже должны стоять на площадке. Я открою — вы сразу внутрь!

— Слушаюсь.

— Там четверо или пятеро, не очень опасных. Воры или налетчики, однако вряд ли гайменники¹.

Помешкав секунду, статский советник добавил:

— Впрочем, я могу ошибаться. Мы в квартире не были, видели мельком только одного.

Не имеющий чина усмехнулся:

— Кто не спрятался, я не виноват.

Александров был смелый и опытный человек, ударом кулака он перешибал дюймовую доску.

— Ну, я пошел. Сергей Манолович вас проведет. Как только хлопнет наверху дверь, ждите три минуты — и в атаку!

Лыков свернул за угол, не спеша подошел к подъезду. Туда как раз затаскивали огромный шкаф. Сыщик пролез боком, стал подниматься. Сердце стучало чаще обычного. Вот ведь как бывает. Три сотни задержаний за спиной, а все равно волнительно...

Подойдя к нужной двери, Алексей Николаевич прислушался. Изнутри доносились голоса. Он разобрал несколько слов: говорили про какую-то бабу, мол, при деньгах, надо бы тово... Сыщик громко постучал. Голоса сразу смолкли. Дверь приоткрылась, в щель выглянул тот самый парень, что давеча тащил пиво.

— Тебе чего, жидок?

— Разговор есть к вашему атаману, уважаемый. Насчет билетов Лейпцигской лотереи.

¹Гайменник — убийца (*жарг.*).

— Чё?

Тут парня сзади отодвинули, и показался Держивморду. Он молча разглядывал Лыкова, и тот торопливо заговорил:

— Здравствуйте, ваше степенство господин Мохов. Я к вам. От Толика.

— Какого Толика?

— По прозвищу Дылда.

— А он тебе кто?

— Друг-приятель, карманный обиратель.

— Ну...

Атаман распахнул дверь и впустил Лыкова в прихожую. При этом высунулся в коридор и прислушался:

— А что там за возня, Петруха?

Парень сообщил:

— Меблю таскают. Расстрига съехал, какие-то студенты-лохмачи заселяются.

Закрыв дверь на засов, главарь повернулся к гостю:

— Чего ты там говорил про билеты?

Лыков сдернул с головы кипу и стал безжалостно ее мять. Он затараторил, пытаясь подражать говору варшавских евреев:

— Так что, Дылда сказал, вам все интересно, что может дать профит. Билеты могут, чес-слово гешефтера. Уступлю со скидкой... вот только без рассрочки, сам заплатил, из оборота вывел, рассрочку не могу, вот. Для начала тысяча билетов по семьдесят пять копеек. Потом будет больше. А продавать можно за полтора рубля!

Держивморду слушал молча и внимательно разглядывал «гешефтера». Этот взгляд сыщику не нравился, но деваться было некуда, и он продолжил:

— Еще есть лодзинский товар: готовое платье и штиблеты всех сортов. С ярлыками! Правда, накладные квитанции на них выписаны ночью, но товар зер гут!

Лыков молчал языком, а сам считал секунды. Две минуты прошли, оставалось продержаться еще минуту. Ребята уже поднимаются по лестнице.

Атаман по-прежнему молчал. За молчал и гость. Еще двадцать секунд...

— Где я тебя раньше видел? — спросил вдруг Вовка.

Сыщик понизил голос и пояснил:

— В Москве, ваше степенство. Я там господину Згонникову хлопок помогал сбывать, в Привисленский край.

— Да ну? Ты с Князем работал? Припоминаю...

Пора! Три минуты прошли. Лыков согнулся в поклоне:

— Так я несю образцы?

И не дожидаясь ответа, повернулся к хозяевам спиной и отодвинул засов. Распахнул дверь, готовясь нырнуть в сторону, — и замер. На лестничной площадке никого не было.

Возникла пауза, несколько секунд Алексей Николаевич стоял на пороге, не зная, что предпринять. Внизу слышалась смачная матерщина, артельщики костерили друг друга на чем свет стоит.

— Эй, чего застыл? — Атаман стал выталкивать сыщика в спину. — Неси! Билеты не надо, а лодзинский товар покажи.

Пауза затягивалась, нужно было принимать решение. Уйти якобы за образцами, а явиться через пять минут с арестной командой? Но Вовка напряжен, он что-то заподозрил. Дверь могут не открыть, придется ее ломать, и тогда возможны стрельба и кровь. А от одинокого еврея никто не ждет опасности. И Лыков решил. Не прикрывая дверь, он повернулся к бандитам лицом. В грудь ему тут же уткнулся ствол «нагана». Мохов смотрел волком:

— Обмануть нас хотел, легавый? Думал, я тебя в пейзажах не узнаю?

Алексей Николаевич ответил своим обычным голосом:

— «Наганчик» где-то добыл... А «штайеры», выходит, кончились?

— Какие штаеры?

— С тамо...

В ту же секунду Лыков двинул атамана кулаком в грудь и толкнул на Петруху. Оба с грохотом повалились на пол. Из комнаты выбежали сразу трое и набросились на статского советника. Они взялись за дело споро. Сыщик мгновенно пропустил несколько ударов, во рту появился знакомый привкус крови. Где же подмога, черт ее дерит? Прикрыв голову локтем, Алексей Николаевич стал отмахиваться другой рукой. Лишь бы не вынули ножи... От его оплеух свалился сначала один, затем второй, но быстро поднялись и опять принялись мутузить Лыкова. «Старешь», — сказал он сам себе. И вложил наконец как следует. Противник отлетел далеко и уже не встал. Двух других удалось схватить за волосы и стукнуть лбами. Следующему

попало Петрухе. А когда Вовка, крихтя, сел на корточки, из коридора ворвался Азвестопуло с выпученными глазами и гаркнул:

– Руки вверх! Пристрелю паскуду!

И бабахнул в потолок.

Следом за ним полезли полицейские, все почему-то перепачканные мелом. Они стали поднимать и вязать обитателей квартиры. А Лыков набросился на помощника:

– Где ты был? Где вы все были, храпаидолы? Тут... едва не шлепнули, пока вас дожидался. Сказал же: через три минуты!

– Артельщики шкаф уронили на лестнице, – срывающимся голосом объяснил Сергей. – Большущий! Перегородили всю лестницу. Я кое-как сбоку перелез, на руках по перилам. Уф!

Хоть плачь, хоть смейся... Алексей Николаевич ходил по комнатам, унимая дрожь в руках. И вспоминал, как ствол револьвера жестко упирался ему в грудь аккуратно напротив сердца.

Обыск быстро дал результаты. В углу залы обнаружили два ящика с часами и два с биноклями. В людской за печкой нашлись «штайеры». Стало понятно, что именно эта шайка торгует похищенными с таможни ценностями и оружием. Приказ министра был выполнен. Правда, статскому советнику едва не прострелили важные части тела, так ведь не в первый раз... Когда появились следователь и участковый пристав с городовыми, им оставалось лишь оформить бумаги.

Лыков вручил вожжи помощнику, а сам решил провертеться. Отвык он от таких приключений... Голова раскалывалась, сыщика мотало. Алексей Николаевич доехал на извозчике до Литейного, выбрал кофейню попримичнее и заказал полный стакан коньяку. Опростал его в два захода, после чего отправился домой спать.

Он вернулся на службу к вечеру и узнал, что его разыскивает министр. Неужто хочет похвалить за быстрое выполнение приказа?

Статский советник явился к начальству и услышал совсем другое. Макаров не пригласил подчиненного сесть и с недовольной гримасой зачитал ему протокол врачебного осмотра из Дома предварительного заключения. Именно туда оприходовали арестованную банду.

— Вот, слушайте. У крестьянина Мохова сломано ребро плюс ушиб легкого и синяки на спине. У остальных еще хуже: смят нос, выбито плечо, гематомы на головах... Что за бойню вы там устроили? Шесть служителей департамента, вы с помощником и целый отряд городских набросились на подозреваемых с какой-то звериной жестокостью. И без того к полиции много нареканий, а тут еще это. Объяснитесь! Вдруг попадет в газеты?

— Ваше превосходительство, там случилась непредвиденная ситуация, — начал докладывать сыщик. — Упомянутый вами Мохов узнал меня, несмотря на грим. Мы встретились в Москве четыре года назад. Рецидивист приставил мне к груди револьвер и уже готов был выстрелить. Арестная команда между тем задерживалась: они поднимались

по лестнице, артельщики перед ними уронили с ремней шкаф и перекрыли дорогу. Несколько минут мне пришлось биться одному против пятерых, спасая свою жизнь. Тут уж было не до сантиментов...

— Сядьте и расскажите подробнее, — приказал министр.

Лыков изложил детали, доказывающие, что он вынужден был действовать жестко. Иначе не сидел бы сейчас на стуле, а лежал перед патологоанатомом. Сам при этом недоумевал. Что еще за глупости? Схватили банду торговцев оружием, состоящую из патентованных злодеев. Ну, намяли им при этом бока... Теперь так всегда будет при законнике Макарове? Он хоть понимает, чего требует? Когда счет идет на секунды, а на кону твоя жизнь, думать о газетах?

Тайный советник слушал внимательно, но продолжал хмуриться. Когда Алексей Николаевич закончил, он прокомментировал:

- Значит, вы признаете, что применили силу.
- Точно так.
- Чрезмерную, если судить по заключению врача.

Сыщик не выдержал и сорвался:

— Этого бы врача туда, в Ропшинскую лавру! Приставить ему ствол к сердцу и предложить сдерживать силу, когда нужно свою жизнь спасать!

Макаров пожевал губами и глубокомысленно произнес:

— Не знаю, не знаю... Про вас давно рассказывают, что вы чрезвычайно жестоко обходитесь с подозреваемыми.

Лущете на допросах. И даже убили некоторых при задержаниях. Ведь было?

— Ну... в случаях крайней необходимости...

— Вот! И сколько уже случилось таких необходимости? Раз за разом, и все крайние. При моих предшественниках оно сходило вам с рук. Распустили они вас, статский советник. Теперь этому положен конец. При мне такие фортели уже не проскочат. Будете наказаны. Вам ясно?

— Александр Александрович, вы представляете, чего требуете от меня?

— Соблюдения закона, чего же еще?

— С виду так. А на практике это означает, что, когда меня в следующий раз будут убивать, я должен не себя спасать, а думать о соблюдении вышеуказанного закона.

— Конечно! — возмущился Макаров. — А вы как хотели?

— Но пока я буду соображать, как бы не повредить драгоценное здоровье преступника, он меня зарежет!

— Так уж и зарежет... — ответил министр с усмешкой. — Я ведь на службе тридцать с лишним лет. Побольше вашего повидал. Вы мне сказки не рассказывайте. Ишь, как ловко объясняете свою привычку. Но я не позволю!

Макаров встал и попытался прибавить в голосе металла:

— Идите и помните о нашем разговоре. Вы предупреждены об ответственности. Все, бардак в министерстве с моим приходом кончился, теперь закон во главе, а не ваши палаческие обычаи.

Лыков выскочил в приемную сам не свой. Он шел по коридору, и в голове его складывались ответные фразы.

Очень хорошие фразы, точные и убедительные, но запоздалые. Его выставили, как нашкодившую собачонку. «Побольше вашего повидал!»! Дурень, что ты мог повидать, сидя в прокурорском кресле? Бумажки? Тьфу!

Расстроенный донельзя, сыщик вернулся в свой кабинет. К нему подскочил помощник:

— Алексей Николаевич, что случилось? На вас лица нет!

— Расскажу — не поверишь. Черт бы их всех драл... Надо думать, как дальше служить. Неужели он это всерьез?

И Лыков передал Азвестопуло свой разговор с министром. Тот был поражен. Особенно его уязвила фраза про палаческие обычаи.

— Вытираем сопли и служим дальше, — резюмировал статский советник. — Только осторожнее, чем прежде. Наш новый министр — судейский и подвинулся на законности. Скоро жизнь ему все объяснит, но надо потерпеть.

Лыков выпил чаю, немного успокоился и пошел к директору. Тот принял его настороженно, вид у Зуева был затурканный.

— Чего тебе?

— Хочу рассказать, как поговорил с «честным нотариусом».

— Ну?

Алексей Николаевич изложил все в деталях. Зуев еще больше пригорюнился.

— Тикать отсюда надо.

— Куда? Тебе-то прямая дорога в сенаторы. А я куда денусь?

— Рыбу станешь удить у себя в имении, — подсказал Нил Петрович. — Эх, мне бы такое! Давно бы уже сбежал от этой неблагодарной службы... Крыжовник посадить, как у Чехова. А? Приехал бы ко мне в гости?

— Вот турнут меня — ты ко мне приедешь, — утешил статский советник тайного. — Знаешь, какие стерляди в Ветлуге водятся? В пятнадцать вершков. Я покажу тебе место, где всегда клюет. Поселишься в Варнавине на лето, в доме десять комнат, хватит на взвод. Сенаторов в городке отродясь не было, станешь знаменитостью: исправник честь отдает, а все пять городских во фронт тянутся...

Полицейские посмеялись над такой картиной, однако Зуев быстро вновь погрузнел.

— Ты, Леша, с ними поосторожней. Они на облаках живут, по земле никогда не ходили. Что Макаров, что Золотарев. Как бы сдуру не того... Я сам из последних сил держусь.

— Решено уже, кто тебя заменит? — задал Лыков весьма интересующий его вопрос. Бог бы с ними, с министрами, их не каждый день видишь, а директор Департамента полиции — прямой начальник.

— Кажись, Степу выбрали, — шепотом ответил Зуев. — Как мы с тобой и ожидали.

— Ну это куда ни шло, мы тогда еще послужим, — бодро отозвался Алексей Николаевич.

Скорый уход Зуева с должности директора не был тайной, ему давно искали замену. Раньше в преемники прочили Лерхе. Петр Карлович второй в Департаменте по-

лиции имел чин тайного советника — наравне с Нилом Петровичем. А действительных статских советников было как нерезанных собак — целых тринадцать человек! Из них двое — Зубовский и Харламов — занимали должность вице-директора и имели преимущество по службе. Генеральские чины носили также пять чиновников особых поручений, пять делопроизводителей и даже казначей. Конкуренция на директорское кресло была высокая. Проньра Виссарионов тоже не терял надежды. А Степа всего-навсего статский советник, формально он ровня Лыкову. Но наверху, кажется, решили иначе.

Степан Петрович Белецкий с 1909 года исполнял обязанности вице-директора департамента. Выпускник Киевского университета надолго застрял в губернской канцелярии, медленно подымаясь по карьерной лестнице. Но ему повезло: чиновник случайно познакомился с ковенским губернским предводителем дворянства Стольпиным и понравился ему. Возглавив неожиданно МВД и не зная никого в столице, Петр Аркадьевич вспомнил услужливого киевлянина и назначил его самарским вице-губернатором. Белецкий использовал открывшийся ему случай сполна. В Самарской губернии жгли помещичьи усадьбы, эсеры охотились на полицейских... Новый вице-губернатор проявил себя жестким и решительным управленцем. В результате, когда мятежи стихли, он перебрался в Петербург. В Департаменте полиции Белецкий поразил всех своей трудоспособностью. Умный, на лету схватывающий суть дела, он быстро освоился на новой должности. Сперва Степан Петрович

занимался финансовыми и хозяйственными вопросами. Но его тянуло к политическому сыску. Прямого отношения к нему статский советник не имел и пошел другим путем. А именно представлял департамент в комиссии по подготовке реформы полиции. Здесь Белецкий понравился уже Макарову (он вообще умел залезть в душу начальству). Когда «честный нотариус» возглавил министерство, звезда Белецкого засияла с новой силой. Как только Зуеву освободят место сенатора, Степан Петрович пересядет в его кресло.

Лыкова эта новость устраивала. Политического сыска он сторонился, следуя совету своего учителя Благово. А сыск уголовный — его епархия, куда давно уже никто не лез. Белецкий умен, ему нужен такой меделян¹, как Алексей Николаевич. Опять же, Степан Петрович покувыркался на службе, знает, как пахнет навоз...

Успокоенный сыщик вернулся в кабинет, но тут ему телефонировал Сенько-Поповский. И попросил зайти на минуточку. Бывший секретарь Курлова теперь сидел в приемной Золотарева. Не иначе товарищ министра дал очередное поручение.

Однако, когда Лыков предстал перед секретарем, тот жестом подозвал его поближе. Потом оглянулся на дверь начальника и сказал вполголоса:

— Макаров велел Игнатию Михайловичу подготовить справку про вас.

¹ Меделян — русская порода крупных собак, с которыми охотились на медведей.

— Какую еще справку? — удивился сыщик. — Все есть в формуляре.

— Это особая бумага, — все так же тихо пояснил секретарь. — Министра интересует, были ли у вас происшествия при задержаниях и допросах. Когда подозреваемые погибали при арестах или становились калеками. И что в таких случаях говорил прокурорский надзор.

Лыков был озадачен. Опять двадцать пять! Что это министр так озаботился здоровьем всякого отребья? Поглядел бы сначала на дела их рук: трупы детишек, задушенные и зарезанные люди с выколотыми глазами и следами пыток... Сам бы тогда не церемонился. А тут — справка.

— И как там мои дела, Леонид Андреевич? Много Золотарев накопал грехов?

— Игнатий Михайлович мне велел подготовить бумагу. Сейчас займусь ее составлением. Я счел своим долгом предупредить вас об этом поручении, Алексей Николаевич. Не нравится мне оно...

Статский советник ушел раздосадованный. Тучи сгущаются? Кому-то понадобилось его место? Чиновник особых поручений при министре внутренних дел, прикомандированный к Департаменту полиции, — не бог весть какая шишка. Таких пятеро, из них вербуются исполняющие обязанности вице-директора. Но сыщику эта лычка не светила, он никогда на нее и не претендовал. Был как-то и.о. делопроизводителя, да и там от скуки едва не окочился. Для карьеристов должность малопривлекательная. В чем же дело?

Через сутки Сенько-Поповский вновь набрал Лыкова и сказал в трубку:

— Готово, Алексей Николаевич. Зайдете поглядеть?

— Давайте лучше так, в телефон.

— Хорошо. За годы вашей службы в Департаменте полиции на вас накопилось со стороны подследственных одиннадцать жалоб.

— Так мало? — удивился сыщик. — Я думал, их больше.

— Мало? — опешил коллежский ассессор. — Одиннадцать жалоб для вас недостаточно?

— Конечно. Хотя уже кое-что... Это значит, что я служил честно.

— Не понимаю вас.

— Вспомните род моих занятий, Леонид Андреевич. Преступники всегда стараются затянуть дознание и следствие, очернить полицию. А на суде объявляют, что показания из них выбили силой и они ничего такого не совершали.

— Хм. Вам виднее, конечно. Однако я продолжу. Все эти жалобы оставлены начальством без последствий. Но в четырех случаях имела место прокурорская проверка...

— Помню, — перебил Сенько-Поповского Лыков. — Их открывали при гибели подозреваемого при аресте.

— Точно так. Там тоже все кончилось для вас сравнительно благополучно. Кроме гибели некоего Згонникова, которого вы восьмого мая тысяча девятьсот восьмого года в Москве вышвырнули из окна четвертого этажа. Вместо того чтобы арестовать. Жалобу подал князь Мамин, который оказался свидетелем убийства. Он сообщил, что

вы отомстили таким образом за смерть кого-то из ваших товарищей. Алло! Слышите меня?

Лыков сказал:

– Леонид Андреевич, дело серьезнее, чем я думал. Не хочу обсуждать его по телефону. Когда могу подойти?

– Прямо сейчас. Шефа еще часа два не будет, приходите.

Когда чиновники уединились в пустой приемной, коллежский ассессор продолжил:

– Мамин умер в камере предварительного заключения, но прокуратура дала ход его жалобе. Не знаете почему?

– Я тогда сильно прижал высокопоставленных мошенников, которые много лет воровали на железных дорогах. Крупное вышло дело! Был суд, наказали мелкую сошку, а тузы остались при деньгах и безнаказанными. Они всячески ставили мне палки в колеса. Проверка была инспирирована с той же целью. Нам с Азвестопуло объявили выговоры с занесением в формуляр и хотели предать нас суду. Но Столыпин разобрался и велел прекратить следствие.

Секретарь товарища министра понурился:

– Алексей Николаевич! Я вас очень уважаю. И убежден, что вы говорите мне чистую правду. Но против вас затевается какая-то интрига. Я вынужден положить справку на стол Золотареву, со всеми перечисленными сведениями...

– Понимаю, Леонид Андреевич. Конечно, кладите. Спасибо, что предупредили.

– Коряво? – Сенько-Поповский употребил новомодное среди столичного бомонда словечко.

– Не пойму, к чему готовиться, но чувствую, что коряво.

НЕОЖИДАННЫЙ ОБОРОТ

Лыков последнее время жил в ожидании какой-то серьезной неприятности. Арест банды Мохова, который был произведен быстро и дал нужные следствию материалы, не улучшил его настроения. Скорее даже ухудшил. Министр непонятно с чего взъелся на статского советника и собирал сплетни о нем. Товарищ министра, заведующий полицией, избегал общения и недоброжелательно косился при встрече. Может, перевестись в градоначальство? К Филиппову не получится, там нет места для лыковского калибра. Ну тогда в уезд исправником... Пятки уже жжет. Как говорит Крокодил Петрович Зуев, пора тикать отсюда. Вот только куда? В сенаторы не возьмут. Он, Лыков, умеет лишь одно: ловить убийц. И не хочет заниматься ничем другим. И пользу от своей службы видит. За что же его выталкивают?

Между тем дела с Алексея Николаевича никто не снимал. Через шесть дней после схватки в Ропшинской лавре он приехал на Шпалерную¹. Нужно было заканчивать акт дознания по банде Мохова. В Таможенном комитете переполох: кто-то из начальства Финляндской железной дороги вступил в сговор с преступниками.

¹ На Шпалерной находился Дом предварительного заключения (ДПЗ) – петербургская следственная тюрьма.

Чины комитета требовали выяснить фамилии предателей.

Алексей Николаевич вызвал в допросную Вовку Держивморду, разложил на столе бумаги, но выпытывать имена не спешил. Сначала он молча разглядывал арестанта. Вот сидит человек, который убил Петра Фороскова. Не сам убил, но участвовал. Пулю в голову другу сыщика всадил Князь, он же Згонников. И за это потом вылетел в окно. А Мохов скрылся от следствия, наказания не получил и по-прежнему совершал преступления. Из проданного им оружия уже застрелили трех человек и трех ранили, включая женщину. Сейчас Алексею Николаевичу придется долго разгрести эти авгиевы конюшни. Запугивать, делать очные ставки, узнавать продавцов и покупателей, собирать улики. Он делал это много лет и хорошо знал свое ремесло. Ребята попались с поличным. Но, прежде чем начать допрос, Лыкову хотелось поговорить.

— Как ты меня узнал?

— Ну, ваше высокоблагородие...

— Высокородие.

— Виноват, высокородие, я вас на всю жизнь запомнил, когда вы нас драли в клочья. Семеро было, и двое дух испустили, схватившись с таким богатырем. Поневоле останется в памяти.

Атаман уже понял, что беседа будет без мордобоя, и ухмыльнулся.

— Опять же, Князь про вас интересное рассказывал. Что вы много лет нашего брата ловите и в какую

тюрьму ни приди, везде отыщутся ваши крестники. Да я сам про Лыкова слышал и в Бутырке, и в Лукьяновской тюрьме!

— Ты сидел в Киеве? В твоём деле про это ни слова.

Мохов довольно хохотнул:

— Не в первый раз замужем, понятие имеем. Мало ли у бывалого человека паспортов?

— Ладно, шут с ним, с Киевом, он далеко. Скажи мне, Вовка, кто ещё цел из шайки Князя? Вас пятеро тогда скрылось, я никого не нашёл.

Арестант охотно ответил:

— Сашка Фарафонов в Кутомарской каторге сгинул. Масалки¹ поленом по лбу ударили спящего. Он со стодесятниками² сцепился, их много в каторгу пригнали. Делили власть с «иванами», его и пришибли.

— А другие?

— Другие живы-здоровы, но об них, ваше высокородие, не спрашивайте. Я обычаи знаю, слова не скажу.

— Гляди, я тебе лишь одно ребро сломал, могу и до остальных добратся, — пригрозил статский советник.

Но бандит опять ухмыльнулся:

— Мы в Петербурге, здесь прокурорский надзор настоящий. Даже вам, господин Лыков, с рук не сойдет. Пугайте дураков.

¹ Масалка — военный (*жарг.*).

² Стодесятники — солдаты и матросы, осужденные за участие в военных бунтах в 1905–1908 годах.

Вовка был прав. В столицах — Петербурге и Варшаве — бить арестованных действительно не позволялось. В Москве с приходом в МСП Кошко¹ тоже мордовать перестали, хотя раньше лупили в хвост и в гриву.

Лыкову пришлось менять тактику. Он начал стращать арестованного тем, что имел в колоде. Соппротивление полиции, соучастие в трех убийствах через продажу оружия, нанесение ущерба казне, проживание в столице вопреки запрещению... Бандит только смеялся. Больше исправительных арестантских отделений за это не дадут. А для настоящего фартового отделения навряде санатории. Их пугает лишь каторга. Тюрьма или арестантские роты считаются легким наказанием².

Расстались сыщик и бандит без злобы. Лыков уже давно смирился с потерей друга. Тем более Форосков предал его, заманил в засаду, не выдержав побоев. Чего уж теперь ворошить прошлое...

До вечера Алексей Николаевич писал черновик акта дознания. Следовало допросить остальных членов шайки, найти среди них самого слабого и начать его колоть. Жалко, что бить нельзя. Это быстро развязывает языки.

¹ Кошко А. Ф. — начальник Московской сыскной полиции (МСП).

² В тюрьме содержались преступники с малым сроком (до 1 года). В исправительные арестантские отделения (до 1870 года — арестантские роты) помещали преступников со сроком от 1,5 до 6 лет. В каторгу — со сроком от 4 лет и до бессрочной. Только каторжники носили кандалы и выполняли тяжелые работы.

Придется попотеть. А если подкинуть в конфискованные вещи тот пистолет системы «Астра», из которого убили немецкого коммивояжера? Пушку тоже стянули с таможни, ее номер записан в накладной. Немца застрелили в Озерковой слободе, на берегу бассейна Обводного канала. Пистолет обнаружили неподалеку, под забором Глухоозерской фермы. Уже ясно, что оружие то самое: поля нарезов на пуле соответствуют нарезам в стволе. И хотя баллистическая экспертиза еще не признана официально, ребята Мохова этого не знают. Они струхнут и что-то да расскажут. Незаконно, да, но в первый раз, что ли?

Лыков решил завтра обсудить эту идею с начальником столичной сыскной. Филиппов считался строгим законником. Но три убийства... Те, кто продал гайменникам оружие, — фактические соучастники. Стоит ли их жалеть? Убрать из города, чем дальше, тем лучше. И срок дать максимальный.

Дома за ужином сыщик был рассеян, но вовремя спохватился и предложил жене сходить в гимнастический зал полицейского резерва. Супруги лишь год прожили на Московском проспекте. Пискаревка со своей неустроенностью раздражала их обоих, и они переехали в новый доходный дом в начале Каменноостровского проспекта. Дом был дорогой и модный, строил его сам Лидваль. Лыков оказался соседом Витте, поселившегося рядом в собственном особняке. Сыщик и бывший премьер-министр вежливо раскланивались по утрам и вели разговоры на политические темы. Соседкой с другой стороны была Ма-

тильда Кшесинская. Ну и ходить с супругой по развлечениям стало значительно проще.

В гимнастическом зале резерва проходили городские соревнования любительских команд по партерной гимнастике. Модный спорт! Участники выстраивали живые пирамиды в три и даже в четыре этажа. «Майские жуки»¹ под руководством знаменитого Крестьянсона побеждали два года подряд. Но в этом году серьезную конкуренцию им неожиданно составили пажи. В Пажеском корпусе появился среди преподавателей хороший специалист и здорово продвинул развитие спорта. Еще одним сильным соперником стала команда Петербургского общества народной трезвости при Народном доме имени императора Николая Второго. Финал обещал быть интересным.

Ольга Дмитриевна тут же согласилась. Давно они с мужем никуда не выходили. Тот любил всякие варварские развлечения вроде бокса и французской борьбы, Оконешникова же предпочитала театр. А тут хоть красиво.

Супруги неплохо развлеклись, а после состязаний заглянули в «Кюба». На этот раз обошлось без великих князей, облюбовавших рестораны до такой степени, что официантами туда стали брать отставных солдат гвардии, поневоле знавших эту публику в лицо. Лыков князей не любил. Он по роду службы был осведомлен о таких секретах правящего дома, что хоть стой, хоть падай...

¹ «Майские жуки» – ученики знаменитой частной школы Карла Мая на 13-й линии Васильевского острова.

Лыков с Оконишниковой славно откушали. Сыщик истребил уху из двинских стерлядей с налимьей печенкой и цыпленка радзивил с соусом перигор. Запил водкой вперемешку с ай-сек¹. Ольга Дмитриевна угостилась спаржей натурель с соусом муслин и мороженым.

Утром следующего дня статский советник пришел в департамент как обычно к десяти. Голова была свежей, настроение бодрым. Он решил нынче же обсудить с Филипповым свою идею насчет пистолета. Взялся уже за телефон, но тот зазвонил прежде.

— Лыков у аппарата, — произнес в трубку сыщик. И услышал в ответ взволнованный голос Сенько-Поповского:

— Алексей Николаевич! Беда...

— Что случилось, Леонид Андреевич? Справка моя не понравилась Золотареву?

— Все хуже, — упавшим голосом ответил коллежский ассессор. — Подследственный Мохов умер сегодня ночью в камере.

— Да вы что? Я допрашивал его днем, он был совершенно здоров! Вскрытие уже сделали? Что сказал доктор?

В трубке возникла пауза, потом секретарь сообщил:

— Мохов умер от сильных побоев. Которые, по словам сокамерников, нанесли ему вы вчера на допросе.

Сыщику показалось, что он ослышался:

— Кто нанес? Сокамерники?

¹Ай-сек — марка французского шампанского.

– Нет. Вы нанесли, вы.

– Что за чушь? Я его давеча пальцем не тронул. Все знают, что в столице этого делать нельзя.

Сенько-Поповский вздохнул и опять надолго замолчал. Лыков же стал кипятиться:

– Алло, Леонид Андреевич! Алло! Меня оболгали, ясно как день! Сейчас же поеду в ДПЗ и заставлю негодяев признаться. Это случалось уже много раз, все уголовные знают такую уловку.

– Никуда вам ехать нельзя, – ответил секретарь. – О случившемся уже доложили министру.

– И что?

– Он приказал Золотареву связаться с прокурором. А вам велено передать, чтобы не оказывали никакого давления на свидетелей. В тюрьму являться запрещено, сидите и ждите дальнейших распоряжений.

– Как запрещено являться в тюрьму? – растерялся Алексей Николаевич. – Кем, министром? Но почему?

– Я только что объяснил, – сухим тоном ответил Сенько-Поповский. – Чтобы не запугали свидетелей и не принудили их изменить показания. Полагаю, сегодня же будет назначена прокурорская проверка. Макаров час назад лично телефонировал Щегловитову¹ по этому вопросу.

Лыкова кинуло в жар:

– Они там что, с ума посходили?

Сенько-Поповский опять заговорил сочувственно:

¹Щегловитов И. Г. – министр юстиции.

— Алексей Николаевич, плохо дело. Золотарев передал мне слова Макарова, сказанные в телефон Щегловитову. Наш министр заявил буквально следующее: с незаконием пора кончать, и Лыкову это с рук не сойдет. Вот так...

В трубке раздались гудки. Статский советник сидел сам не свой. Что же это такое? Провокация уголовных, вот что! Однако начальство сыщика почему-то сразу в нее поверило. Они там только что из гимназии? Не знают, что в карьере каждого сыщика таких случаев десятки? И как быть?

Тут вошел улыбающийся Азвестопуло и начал со смехом что-то рассказывать. Но увидел лицо шефа и осекся:

— Ну? Я вижу, дело плохо? Что на этот раз?

— Телефонировал Сенько-Поповский. В отношении меня вот-вот назначат прокурорскую проверку.

— В связи с чем?

— Будто бы вчера в ДПЗ на допросе я так сильно избил Держивморду, что он ночью скончался в камере.

Грек сначала хохотнул, однако быстро посерьезнел:

— А... Простите мне мой вопрос...

— Пальцем не тронул, Сережа. Хотя и чесались кулаки, но удержался.

— Он сидел в одиночке? — сразу ухватил суть дела помощник.

— Нет. И сокамерники будто бы подтвердили, что он пришел с моего допроса чуть живой. И к утру очурился.

— Ну тогда все понятно, — повеселел коллежский асессор. — Сейчас мы им устроим перекрестный допрос, пойдем на противоречиях, конвоиров притянем, надзираете-

лей... Тюремная стража первая опровергнет. Поехали на Шпалерную.

– Не могу, министр запретил.

– Это как? – вскочивший было Азвестопуло аж сел.

– Да так. Чтобы не оказал давления на свидетелей, не запугал и не вынудил отказаться от своих показаний.

– Серьезно? М-м... Плохо дело. Ах, судейская кость! Ах, нотариус... Он нам не верит, а им верит?

– Как видишь. Невозможно представить, чтобы Плеве или Дурново выкинули подобное. Знаешь, что Макаров сказал в телефон Щегловитову? Что пора кончать с беззакониями и Лыкову это с рук не сойдет. Ведь он только на днях устроил мне дурацкий и унижительный разнос за силовой арест банды Мохова. А сегодня Лыков убил арестанта. Как министр к этому отнесется?

– Он будет в ярости, – кивнул Сергей. – Подумает, что вы нарочно, назло ему это сделали. Как не вовремя, совсем не вовремя...

– Ты сейчас...

Однако телефонный звонок прервал статского советника. Он снял трубку и услышал сердитый голос директора департамента:

– Зайди ко мне. Срочно!

Лыков накинул сюртук и приказал помощнику:

– Езжай на Шпалерную и попробуй узнать, что там произошло. Запиши всех, кто был в одной с Вовкой камере и дал на меня показания. Поименно! Встреться с доктором, который делал вскрытие. Поговори с начальником

тюрьмы, со старшим надзирателем отделения и с коридорными. После этого заскочи в сыскную и найди учетные карты на сокамерников. Сделай с них выписки: за что сидят, в чем замешаны, что у них в прошлом. Нет ли с их стороны личного мотива: вдруг я кого-то арестовывал и теперь они хотят отомстить.

— Слушаюсь!

Азвестопуло помчался на Шпалерную, а Лыков пошел к начальству.

Зуев сидел мрачнее тучи. Не здороваясь, он спросил:

— Что у тебя вчера было с подследственным Моховым?

— Обычный допрос.

— А почему он помер после «обычного допроса»? — почти выкрикнул тайный советник.

— Азвестопуло поехал разбираться.

— Скажи, Алексей, только честно... Не ври мне, хорошо?

Лыков понял, что теперь много раз будет отвечать на один и тот же вопрос. Он вздохнул и сказал:

— Нил Петрович, могу на иконе побожиться: я эту скотину пальцем не тронул.

— Да? Но он же убил твоего товарища?

— Убил не он, а его атаман Згонников по кличке Князь. Застрелил на моих глазах. Мохов был в той шайке, которая пыталась меня убить. Один из семерых. Им почти это удалось. Ты же помнишь, какой я был в апреле восьмого года?

— Помню. Но ведь Князя ты выкинул в окошко?

— Князя выкинул, — не стал спорить Алексей Николаевич. — Так получилось.

Зуев стукнул кулаком по столу:

— Получилось?! А сейчас? Сейчас что получилось? Опять ты за старое? Сколько раз тебя предупреждали: не давай волю кулакам! Ведь с твоей силищей проще просто не рассчитать и перегнуть палку!

— Я тебе только что ответил, и ответил честно.

Полицейские какое-то время молчали, потом директор спросил:

— А мне что теперь делать?

— Помогать, если веришь в мою невиновность.

— Я — верю. Хотя все так сходится, что любой суд примет за правду. Мотив есть — раз. Привычка бить на допросах тоже есть — два. И свидетели. Ты хоть знаешь, сколько их? Пятеро! И все в один голос валят на тебя.

— Пятеро? — Лыков впервые осознал, насколько плохи его дела. — Но ведь это оговор. Просто оговор, какие случались с каждым из нас не единожды. Ты же это понимаешь, по земле ходишь, не по облакам.

— Я-то понимаю, Леша. А они? Вспомни, какой у нас Щегловитов? Всем улыбается, хиханьки да хахоньки, а сам упырь. И наш ему под стать.

— Меня сейчас наверняка отстранят от службы, — стал рассуждать Лыков.

— К гадалке не ходи!

— Может, и Сергея Маноловича тоже...

— Я попробую этого не допустить, — вставил Зуев.

— Спасибо. Он теперь моя главная надежда. Сергей — человек надежный. Пусть ведет свое собственное дозна-

ние, что там на самом деле произошло в камере. Помогите ему в этом, пожалуйста.

Нил Петрович в очередной раз вздохнул:

— Конечно помогу. Пока я на этой должности. А потом, когда уйду? Белецкий с тобой, как я, двадцать лет не служил.

— Я с ним поговорю, объясню. Надеюсь, поймет...

— Я тоже поговорю, — встал из-за стола тайный советник. — А сейчас иду к Золотареву, явно по твоему вопросу вызвал. Ты сам как думаешь, почему они все пятеро тебя обогнали? Ведь не само же собой так вышло, кому-то это понадобилось.

— Не знаю, Нил. Нужно дождаться Азвестопуло. Он придет с именами «свидетелей». Думаю, после этого станет ясно, кому и что понадобилось.

Лыков вернулся в свой кабинет и стал ждать. Нервы его были на пределе. Собственный министр спустил на него собак, не удосужившись разобраться. Заранее уверовал в виновность подчиненного. Из головы не шла фраза Макарова: «Побольше вашего повидал». Вот индюк! Его бы разок взять на задержание банды убийц. Которым нечего терять, потому что им виселица светит, а значит, нет смысла сдаваться. Дать «наган», поставить на позицию. На опасную позицию! И сказать: «Лишней силы применять не смей». А потом, если цел останется, спросить: «Ну как, ваше превосходительство? Повидали кое-что новое?»

Потянулось унылое ожидание. Никто не входил, телефон тоже молчал. Он заглянул в чайную комнату, чтобы

проветриться. Статский советник как признанный богат уже десять лет содержал ее на свой счет и баловал сослуживцев дорогими фамильными сортами. Все привыкли к этому и воспринимали подарки как должное... Ну, посмеивались иной раз, но спасибо давно не говорили. Завидев Лыкова, сослуживцы быстренько разбежались, некоторые даже бросили недопитый чай. Ну-ну, уже прознали...

Вдруг прямо в кабинет явился Зуев. Он плотно закрыл за собой дверь и первым делом спросил:

— Грек твой еще не вернулся?

— Нет. Я велел ему из тюрьмы ехать в сыскную, проверить сокамерников по картотеке.

— Понятно. Я от Золотарева. Говорили о тебе.

— Садись, чего стоишь?

Директор сел и начал рассказывать, глядя при этом в пол:

— Злоба там на тебя дикая. Макаров рвет и мечет, решил, что ты в пику ему нарочно убил Вовку. Ответил таким образом на выговор.

— А подумать ему некогда? Я что, малохольный, чтобы так поступать? Это же отставка без прошения!

— Леша, ты не понял, — взглянул на собеседника Зуев. — Какая отставка? Он тебя в тюрьму хочет посадить.

— Как в тюрьму?! За что?..

— За убийство!

Лыков в который раз за день опешил:

— За убийство? Которого я не совершал?

— Он-то уверен, что совершал!

— Пусть сначала проведут расследование! Там все вскроется, Макарову еще извиняться передо мной придется.

— А если не вскроется?

До сыщика постепенно стало доходить. С самого утра он никак не мог отнестись к происходящему серьезно. Ему казалось, что это дикость, абсурд, очевидный для всех. Настолько очевидный, что вот-вот рассосется сам собой, и все встанет на свои места.

— То есть как — не вскроется?! — рявкнул он. — Правда есть правда, ее не спрячешь! Я не у-би-вал! Слышишь? Не у-би-вал!

В кабинете стало тихо. Лыков тоскливо смотрел в окно и думал: скорее бы приехал Сергей. Он выложит на стол фамилии «свидетелей». У статского советника за его многолетнюю службу врагов накопилось немерено, в каждой каталажке по дюжине. Это обнаружится со всей очевидностью в первый же день прокурорской проверки. В Окружном суде тоже не дураки сидят. Лыков знает кадр прокуратуры поголовно, а они знают его: не раз вместе выкорчевывали зло. Разберутся.

Тайный советник встал, тоже косясь в окно:

— Ты Устав уголовного судопроизводства давно не читал?

— Давно.

— Почитай, обнови в памяти. Особенно разделы о преступлениях должности.

— И что там? — забеспокоился статский советник.

— Если прокурор назначит предварительное следствие, то наш министр должен будет немедленно провести собствен-

ное служебное дознание. Будь готов к дрянным приемам. Тебя заставят дать объяснение своим поступкам, как ты дошел до убийства арестантов.

— Напишу правду, что не бил этого мерзавца.

— Пиши, пиши... Только вот начальство уже все про тебя решило и таким объяснениям не поверит.

— Это я понял. Ну, не поверит. Что тогда будет? Согласно уставу...

— Макаров даст разрешение на следственные в отношении тебя действия. Прокурор пришлет следака, тот начнет собирать улики, пытаться свидетелей, копаться в твоём прошлом. Ты станешь ходить к нему на допросы... Все это время службу нести не будешь, тебя отстранят от нее. Когда следак решит, что улик собрано достаточно, он передаст дело прокурору Судебной палаты...

— Почему не Окружного суда?

— Потому, Алексей, что преступления должности разбирают в палате. Затем прокурор известит нашего министра, что вина очевидна, надо судить плохого человека Лыкова.

— Министр ведь вправе отказать, — вспомнил Алексей Николаевич. — Сколько таких случаев. Полицмейстера Пензы четыре года не могут посадить на скамью, губернское правление не дает согласия. А градоначальника Одессы! А тамбовского вице-губернатора!

— Ты к себе не примеряй, — с горечью возразил Зуев. — Там начальство своих в обиду не дает. А тебя, считай, наш уже сдал с потрохами.

В судебной практике это называлось разномыслием. По законам Российской империи судить чиновника за преступления должности можно было только с разрешения его начальства. А если оно не хотело отдавать полезного человека, то начинало за него бороться. Мы-де провели собственную проверку и вины никакой не усмотрели, идите к анчутке беспятому¹. Тогда местный прокурор обжаловал несогласие начальства в Правительствующий сенат. Тот не спеша изучал дело в порядке общей очереди и выносил свое решение. Если Сенат соглашался с прокурором, это еще ни о чем не говорило. Прокурор назначал предварительное следствие вопреки воле министра. Но, когда оно заканчивалось, материалы опять шли на утверждение начальства. А то вправе было вновь отказать в возбуждении уголовного преследования против своего подчиненного. Прокурор опять писал в Сенат, тот повторно изучал дело, проверял качество следствия, выносил решение... Все это могло длиться годами. Бумаги летали туда-сюда, а человек служил и служил. Но в случае с Лыковым, похоже, на министра надежды было мало. Он уже решил, что его подчиненный кругом виноват и его следует примерно наказать.

— Я понял, — сказал Алексей Николаевич, сдерживая раздражение. — Меня Макарка защищать не станет. И как в этом случае пойдет дело?

¹К черту.

— Почитай Устав уголовного судопроизводства, Леша! — крикнул в сердцах тайный советник. — Это теперь будет твоя настольная книга.

— Да почитаю, куда деваться, — фамильярно отмахнулся сыщик. — Ты мне скажи, раз такой умный: к чему готовиться?

— Так... — Директор департамента сел и стал чесать в седом затылке. — Так... Как бишь? Согласно уставу¹, дай бог памяти, начальство обвиняемого должностного лица прежде всего сообщает ему как о предметах обвинения, так и об имеющихся против него доказательствах вины. И требует объяснений. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное исследование, то оно возлагается на одного из подведомственных начальству лиц. Так вот, исследование уже открыто, и поручено оно Виссарионову.

Это была плохая новость. Статский советник Виссарионов исполнял обязанности вице-директора Департамента полиции и претендовал на должность, которую Зуев вот-вот должен был освободить. Чтобы повысить свои шансы оттереть Белецкого, он захочет угодить начальству...

Нил Петрович сделал многозначительную паузу и продолжил:

— Я долго уговаривал Золотарева не отдавать тебя на расправу судейским. Но ничего не добился. Решение бон-

¹Статья 1886-я Устава уголовного судопроизводства.

зы уже приняли, ты должен понимать. Защиты от МВД не будет никакой. Речь идет ни больше ни меньше как об уголовном преследовании. Которое должно закончиться, видимо, обвинительным приговором. Сам посуди. По уставу, если прокурор все же откроет против тебя предварительное следствие, то министр имеет право приставить к следователю своего чиновника.

— Зачем?

— Чтобы лишний раз защитить интересы подчиненного. Твои то есть. Этот контролер может даже давать указания следователю, на какие обстоятельства тот должен обратить внимание. Влиять, стало быть, на следствие, поворачивая его в нужном направлении. Так вот, Леша, никакого человека тебе в помощь они не выделяют. Золотарев мне сейчас передал команду министра: не спасать Лыкова, а топить. Контролера не посылать, а исследование слово в слово чтобы совпало с мнением прокурора. Понял теперь?

— Понял, Крокодил Петрович. Какую статью мне там рисуют?

— До статьи пока дело не дошло, но ты сам умный, догадешься. Возьми Свод законов и подумай.

Лыков сразу вспомнил нужную статью и ахнул:

— Не может быть! Там же каторга...

Зуев смутился:

— Так уж сразу и каторга... На это даже Макаров не пойдет, оно повредит репутации ведомства.

Но сам задумался. Потом тряхнул головой, как конь, которому жмут удила.

— Ну, мне пора. Как только Сергей Манолович вернется, веди его ко мне.

Опять томительно потянулись часы. Сыщик чувствовал себя как холерный больной на карантине. Никто не приходил, пропали вечные курьеры с бумагами, молчал «эриксон»¹. Почему так долго нет Сергея? Очень хотелось телефонировать в сыскную и позвать его к трубке, но Лыков сдерживался. Только под вечер Азвестопуло ввалился к шефу и выложил на стол пачку бумаг.

— Вот они, собаки! Все пятеро.

Статский советник схватил бумаги, зашелестел ими и вскричал:

— Есть! Лука Кайзеров! Я арестовывал его в Киеве двенадцать лет назад, он убийца из банды Арешникова². Негодяй арендовал у Киево-Печерской лавры завод, пек кирпичи, а под этим прикрытием разбойничал. Лука состоял при нем в адъютантах, кровавый человек... Ну-ка, а другие?

Через секунду он опять оживился:

— А вот и второй! Степан Дрига. Помнишь его?

Коллежский ассессор кивнул:

— Еще на Офицерской заметил. Московский громила, проходил по делу о хищениях на железных дорогах, состоял в банде Тугаринова по кличке Тугарин Змей. Который застрелился в гостинице «Ливерпуль», ког-

¹ Марка телефонного аппарата.

² См. книгу «Касьянов год».

да мы пришли его арестовывать¹. А Дригу укатали на каторгу.

— Да, верно. Как же он вместо каторги оказался на Шпалерной? Сбежал?

— Точно, — подтвердил Азвестопуло. — Утек, а попался два месяца назад на грабеже в Старой Деревне.

— Так-так... — повеселел статский советник. — Из пяти свидетелей у двоих есть против меня личный мотив. Как и ожидалось... А другие трое? Несытов, Трунтаев и Бабкин. Не знаю таких.

— Да, эти нам неизвестны. Трунтаев по картотеке — рядовой дергач². Несытов с Бабкиным — квартирные воры.

— За что же они меня оболгали? Двое троих запугать вряд ли смогут. Подкупили? Это стоит дорого, откуда в тюрьме взять такие деньги? Непонятно. Ты с ними говорил?

— Не пустили, — вздохнул Сергей.

— Кто, начальник тюрьмы? На каком основании?

— Их как раз допрашивал судебный следователь, он и запретил. Узнал, что я ваш помощник, и сразу от ворот поворот.

— Как судебный следователь? — завелся Лыков. — Что он там делал?

Тут до него дошло:

— Неужели уже назначено предварительное следствие? Так быстро?

¹ См. книгу «Узел».

² Дергач — налетчик (*жарг.*).

Азвестопуло развел руками:

– Судейские будто с цепи сорвались. Видать, была команда от самого министра.

Сыщики переглянулись, у Лыкова на лице появилась горькая усмешка.

– А ведь Крокодил Петрович меня только что предупредал... Как они торопятся, халамидники. Что, Се-режа, понял уже, чем пахнет?

– Дерьмом, вот чем.

Между Министерством юстиции и МВД всегда был некоторый антагонизм. Судейские требовали от полиции соблюдать все оговорки в бесчисленных русских законах. Права подсудимых, доказательства вины, ход дознания, необходимость предварительного ареста, способы добиваться признательных показаний... Сыщики часто игнорировали подобные условности, которые им только мешали. Лыков за свою многолетнюю службу не раз конфликтовал с прокурорским надзором. То он помял кого-то при аресте, то угрожал побоями на допросе, то якобы подбросил вещественные доказательства. В ходе следствия или потом, на суде, опытные преступники отказывались от своих слов, будто бы выбитых силой. Где там правда, а где уловка арестанта, понять было трудно. И у судейских складывалось впечатление, что права подсудимых постоянно нарушаются и за полицией нужен глаз да глаз. На самом деле разобраться было несложно. Надо лишь знать характер дознавателя. Такой человек, как Лыков, был способен на все, чтобы засадить подсудимого в тюрьму. Но

в том только случае, если верил в его виновность. Однако при огромном вале дел надзор не успевал вникать в такие детали. И стриг всех под один фасон. По сути это было правильно: без прокурорского ока полицейские быстро распоясывались. Но часто судебские вместе с водой выплескивали и ребенка. Бывалые преступники затягивали процессы по своим делам на месяцы, если не на годы. Они легко могли обогатить сыщиков, требовали пересмотра дел, отводили следователей, вызывали бесчисленных свидетелей их инобытия¹. В формулярах полицейских копились темные пятна бесконечных проверок по факту таких жалоб. И те, кто не хотел скандалов к пенсии, отступали.

Минюст давно имел зуб на статского советника Лыкова как раз по формальным причинам. Жалобы арестованных на него приходили постоянно. В ходе проверок они иной раз подтверждались, и репутация Алексея Николаевича с точки зрения надзора была ужасной. Зато раскрываемость выше всех! До поры до времени последнее обстоятельство выручало статского советника. Опять же, лицо, близкое ко всем министрам внутренних дел от графа Толстого до Столыпина. Вся грудь в орденах. Если совершалось выдающееся преступление, требующее от сыска таких же выдающихся способностей, всегда вызывали Лыкова. И так раз за разом он проскакивал над рифами, отделяваясь очередной записью в формуляр. На будущую пенсию ему было наплевать. Поэтому Алексей Николаевич

¹ Инобытие – алиби.

служил, как мало кто в ведомстве: рьяно и без оглядки. В том числе порой и без оглядки на законы. И вот теперь в министры внутренних дел прошел человек, для которого законность — чисто формальная — стояла на первом месте. А подчиненный этого не понял и провинился.

— Стало быть, тюремная администрация уже дала сигнал наверх, — начал рассуждать Лыков. — С утра пораньше опросили сокамерников, получили показания и тут же переслали их в надзор. Так?

— Необычно быстро они все проделали, — подхватил помощник. — Раньше у них была другая манера. Могли бы сначала нам сообщить, а не сразу в прокуратуру.

— Что теперь? Как дальше положено идти делу? Зув мне только что излагал, но полезно повторить.

Авестопуло начал вспоминать:

— Обнаружив труп и установив, что к смерти подследственного может быть причастен статский советник Лыков, тюремная администрация доложила об этом окружному прокурору. Это первый шаг. Дальше по закону должно произойти следующее: прокурор ставит в известность о происшествии министра внутренних дел...

— Уже поставил, — перебил Сергея Алексей Николаевич. — Макаров еще утром все знал. Он телефонировал Щегловитову, и два министра сговорились насчет меня.

— Значит, следующий шаг — проверка нашим министром полученных сведений. Без разрешения Макарова любые следственные действия в отношении его подчиненного невозможны. Но министр может своей властью

и не проводить проверку, а сразу принять сообщение прокурора на веру.

— Так и произошло, — опять прокомментировал Лыков. — В глазах нотариуса я преступник, доказательства ему не нужны. Он же всех нас, грешных, насквозь видит! Нил Петрович прав, меня продали с потрохами.

— Теперь ход опять за Минюстом, — продолжил коллежский асессор, скрывая обеспокоенность. — Прокурор уже назначил предварительное следствие, я сам видел, что сокамерников Мохова всюду допрашивают. Хотя как он мог его открыть, не получив согласия министра?

— Стало быть, уже получил.

— Но ведь Макаров сначала по закону должен провести собственное исследование! Я же помню Устав уголовного судопроизводства! Статья тысяча восемьсот восемьдесят шестая. На это уходит несколько недель!

— Макаров такой подарок мне не сделает. Исследование уже все решило. Если понадобится, оформят задним числом. Более того, и над тобой, как моим помощником, висит угроза. Могут перевести на другое место службы. Подальше от столиц.

— Я буду бороться, — зло ответил Сергей. — Пускай сначала объяснят, в чем моя вина. Как под пули лезть, Азвестопуло годится. А как своего шефа прикрывать — уже плохо?

Лыков даже слегка растрогался. Но предупредил помощника:

— Опасность велика. Я говорил о тебе с Крокодил Петровичем, он обещал защитить. Но это пока Зуев сидит

в кресле директора департамента. Очень скоро его место займет Белецкий. А может, исхитрится и пролезет Виссарионов. Я не знаю, как они поведут себя. Будь осторожен и не лезь на рожон. Пошлют исправником в Мангазею...

— Мангазеи давно уже нет, город умер.

— Ну в Жиганск.

— И Жиганск умер. Осталось лишь несколько монахов, им исправник ни к чему.

Сыщики перевели дух, и статский советник попросил помощника продолжить. Ему хотелось знать, что ждет его в ближайшем будущем и насколько вероятна передача дела в суд. Он, Лыков, — и суд! Такое развитие событий казалось невозможным. Но вдруг? И потом, что этот суд решит? Неужели человека, который много лет ловил преступников, посадят с ними бок о бок? Озноб по коже... Думать так не хотелось, сердце подозрительно часто стучало.

Азвестопуло продолжил:

— Значит, принимаем на веру слова Крокодила. Исходим из того, что Макаров уже продал вас с потрохами и дал согласие на предварительное следствие. Тогда очередной их ход такой: вас отстраняют на все время следствия от службы, вы сидите дома и ждете. Предварительно, без решения суда, арестовать вас не могут, законом не предусмотрено...

— Хоть так, — с горечью сказал статский советник. — Но продолжай. Я сижу и жду — чего?

— Сначала исследования начальства, но оно будет формальным. Затем открывается само следствие. Вас таскают

на допросы, трясут свидетелей, сводят концы с концами, чтобы предъявить обвинение. Потом прокурор Судебной палаты получает следствие и опять посылает бумагу Макарову. Так, мол, и так, доказательства вины Лыкова собраны, дело можно передавать в суд. Прошу дать свое на это согласие.

— Даст, сукин сын. А потом? Я сажусь на скамью подсудимых?

Азвестопуло вскочил со стула, пробежался по тесному кабинету, сел на подоконник и исподлобья посмотрел на шефа:

— Потом, Алексей Николаевич, начнется самое страшное. Надо думать, как вас от каторги уберечь.

— Каторги? — Лыков тоже поднялся, нервно теребя лацканы сюртука. — За эту гниду? Я так и сказал Зуеву, хотя в душе не верил.

— Увы. Я пока бегал, нашел время заглянуть в Свод законов. Плохо дело...

— Тысяча четыреста восемьдесят четвертая? — догадался Алексей Николаевич и схватился за голову. — Дай вспомню... «Если от причиненного с обдуманном намерением или умыслом увечья, раны или иного повреждения здоровью последует смерть, то виновный в нанесении сего увечья, раны или повреждения здоровья умершего подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от восьми до десяти лет». Черт! Эх, черт!!! Каторжный червонец! За подлеца, которого я пальцем не тронул. Ну это уж чересчур!

Он стал бегать из угла в угол, взять себя в руки не получалось. Сергей подсказал с подоконника:

— Надо натягивать на вторую часть той же статьи. Вот, я стащил в градоначальстве незаметно.

И он продолжил цитату, уже не по памяти, как шеф, а читая по вырванной странице Уложения о наказаниях уголовных и исправительных:

— «Если увечья или раны, вследствие которых последовала смерть, были нанесены не с обдуманном заранее намерением, а в запальчивости или раздражении, но однако ж умышленно, то виновный в сем приговаривается к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, и к отдаче в исправительные арестантские отделения по второй степени статьи тридцать первой сего уложения».

— А в ней что? — наморщил лоб статский советник. — Ага. Исправительные работы на срок от трех до трех с половиной лет. Верно?

— Точно так, Алексей Николаевич. Все лучше, чем каторга!

Лыков наконец овладел собой. Он сел в кресло, скрестил руки на груди, закрыл глаза и посидел так минуту. Потом сложил кукиш и помахал им в воздухе:

— Или каторга на десятку, или три с половиной года арестантских рот. Выбор между плохим и очень плохим. А вот хрена с горчицей вам, ребята. Буду защищаться до последнего.

— Но как?

— Пока не знаю. Давай вместе думать. Мое спасение в том, чтобы сокамерники отказались на суде от своих показаний. Это единственный шанс. Значит, надо их к этому склонить.

— Но как? — повторил вопрос Азвестопуло. — Ни вас, ни меня не подпустят к ним до суда. А там уже поздно будет. Как мы убедим пятерых фартовых изменить показания? Подкупить? Ну разве что подкупить. Но для этого необходимо с ними встретиться, один на один, с каждым по очереди. Может быть, не раз и не два. Посулить деньги, уговорить, попробовать застращать. В нашем положении — невозможно.

— Встретиться с арестантами могут люди Филиппова, — возразил статский советник. — Если, конечно, захотят.

Чиновники Петербургской сыскальной полиции вели дознания по уголовным делам и поэтому ежедневно посещали Дом предварительного заключения. Они допрашивали подсудимых, в том числе и тех, кто дал показания на Лыкова. Ребята у Филиппова бывалые, знают Алексея Николаевича не один год. Если Владимир Гаврилович решит помочь коллеге, он сумеет сделать многое. Сыщики хорошо ладят с тюремной администрацией.

— Да, Филиппов был бы очень полезен, — кивнул Сергей. — Вы сами будете с ним разговаривать?

— Конечно сам. Но сперва надо дождаться начала следствия. В ПСП быстро о нем узнают. Однако...

Лыков опять вскочил и забегал по кабинету.

— Однако надо биться за полное оправдание, а не выбирать между каторгой и Литовским замком¹. Ведь клянусь, я Вовке Держивморду даже шелбана не дал! За что тогда каторга? Не-е-т, не выйдет. Филиппов сможет разговаривать эту сволочь. Посулю им денег, много, по тыще на каждого. Они таких сумм отродясь в руках не держали. Сломаю, подкуплю, запугаю, но заставлю сказать правду! Лишь бы Владимир Гаврилыч согласился помогать.

Азвестопуло поглядывал от окна и скептически кривился.

— Чего ты? — взял помощника за рукав статский советник. — Думаешь, он испугается Макарова?

— Все возможно. Однако другого способа добиться правды у нас нет. Леший! Неужели все так плохо?

— Не знаю. Тут нужен опытный законник, а ни ты, ни я ими не являемся. Займись этим вопросом, найди специалиста. Дворянства лишаться не хочется, а то ведь потом на государственную службу уже не возьмут. Ордена жалко терять, особенно Георгиевский крест. Эх, что за паскудство! Кому это я так дорогу перешел, что решили сыщика Лыкова из службы вычеркнуть? Как думаешь?

— Врагов у вас тьма, но такое придумать не каждому по силам. В большинстве своем они простые убийцы. Тут же вон как подгадали: пятеро свидетелей в голос, а главное — ваш разговор с министром накануне! Будто этот ваш

¹ В Литовском замке с 1884 года помещалось Петербургское исправительное арестантское отделение.

враг в шкапе прятался и подслушивал. Таких совпадений не бывает. Оттого Макаров так и разъярился, и сразу поверил в вашу виновность. И отдал на расправу судейским. Очень странно все это. Очень.

Сыщики долго еще сидели и размышляли. Уже ночью Лыкову принесли приказ по МВД. Как и ожидалось, Макаров отстранял его от исправления служебных обязанностей на время предварительного следствия. С сохранением содержания четырнадцать рублей в месяц. Формулировка приказа звучала так: за превышение власти на допросе, результатом которого стала смерть человека. Министр назначил исследование обстоятельств дела, поручив его статскому советнику Виссарионову.

● 4 ●

ЧЕРНЫЕ ДНИ

Для Лыкова наступили черные дни. Он сидел дома, лишенный каких-либо средств для защиты своего честного имени. Общаться с фигурантами дела нельзя, с надзором нельзя, писать прошения или обращения запрещено.

Уже на второй день изоляции он был вынужден отвечать на допросные пункты, которые ему направил Виссарионов. Сам вице-директор говорить с опальным чиновником не захотел, а прислал бумагу с восемью вопросами. Почти на все Лыков ответил «нет». Признав факт беседы с Вовкой,

он заявил, что не бил подследственного. Тем не менее уже в тот же день Харлампый (такова была кличка карьериста в департаменте) отослал министру отчет об исследовании. Как и ожидалось, «исследователь» обнаружил в действиях сыщика явные признаки преступления должности и рекомендовал открыть предварительное следствие. Макаров немедленно подписал отношение к прокурору Судебной палаты Корсаку. В нем он приводил выводы Виссарионова и заявлял, что не возражает против назначения предварительного следствия в отношении статского советника Лыкова.

Судебная машина завертелась с невероятной скоростью. Уже через три дня Алексей Николаевич был вызван следователем на допрос. Беседа началась во взаимном смущении. Лыков хорошо знал надворного советника князя Чегодаева-Татарского. Он не раз сдавал ему акты дознания, сыщик и следователь всегда доводили их до судебного приговора и относились друг к другу с уважением. И вот встретились как противники...

— Алексей Николаевич, — начал не без волнения князь, — мне очень жаль. Поверьте, очень. Если вы невиновны, я первый буду радоваться за вас. Но... помогите мне доказать вашу невиновность.

— Давайте попробуем, Максим Васильевич, — ответил Лыков без особой надежды. — Козырей у меня маловато, вот беда. Вы же опытный, понимаете: если там сговор, как я смогу это доказать? Пятеро против одного.

— Можно поймать на противоречиях, — резонно заявил надворный советник. — А вы будете эти противоречия

обнаруживать. Я открою вам протоколы допросов: читайте, думайте. Только выписок делать нельзя.

— Очень признателен. С чего начнем?

— С формального разговора, — хмуро ответил Чегодаев-Татарский. — Уж извините, но обязан спросить, что называется, в лоб: это вы убили подследственного Мохова?

— Конечно, не я.

— Но пятого декабря вы его допрашивали?

— Допрашивал. Он был арестован мною с поличным, в квартире нашли украденные с таможенного склада оружие и часы. Протокол допроса находится в материалах дознания.

— Да, я изучил протокол, как и все дело о краже. При аресте вы сломали Мохову ребро...

— Перед этим он меня чуть не застрелил, — стал оправдываться сыщик. — Ствол «нагана» приставил к груди. А команда застряла на лестнице, там артельщики мебель уронили. Еще секунда — и Вовка нажал бы на спуск. Пришлось спасать свою шкуру, тут уж не до мелочей навряде чужих ребер. Но вот наш новый министр почему-то этого не понимает. Объявил мне выговор за чрезмерное превышение силы.

Алексей Николаевич почувствовал, что скатывается в дурной тон, раздражительный и злой. И может наговорить лишнего. Чегодаев-Татарский, возможно, не будет пользоваться оплошностью подследственного. А может, будет. Надо держать себя в руках. Теперь каждое сказанное слово может быть обращено против сыщика.

— Да, я извещен об этом, — еще сильнее нахмурился князь. — И очень сие обстоятельство вам вредит. Вы уж извините, но так все выстраивается... Мохов вас чуть не застрелил. Вы, в свою очередь, узнали в нем человека, который три года назад уже пытался вас убить и у вас на глазах казнил вашего товарища по фамилии... — следователь заглянул в бумаги, — ...Форосков. Так?

— Казнил не он, а его атаман Згонников.

— Но Мохов в этом участвовал, хоть и косвенно?

— Еще как участвовал. Бил меня по голове кастетом, в числе других бандитов. Едва я тогда Богу душу не отдал.

— Вот, — подхватил следователь, — вы сами и подтверждаете, господин Лыков, что у вас имелся личный мотив против подследственного.

— А что я еще могу сказать? Врать не буду, отвечу честно: мотив имелся.

— И даже не один. — Чегодаев-Татарский стал загибать пальцы. — Месть за своего товарища. Две попытки убить вас, включая последнюю, при аресте. Злость из-за выговора от министра, полученного вами, как вы полагаете, беспричинно. И, наконец, добавим к этому вашу давнюю, всем известную привычку бить арестантов. Куча мотивов, Алексей Николаевич. Выбирай не хочу. Как же мне теперь быть? Поверить вам на слово, что вопреки перечисленному вы невиновны? И не наносили Мохову тех побоев, от которых он к утру скончался?

— Понимаю, как звучат для вас мои слова, князь. Но это правда. Понимаете? Правда.

— М-м... Хорошо, пойдем дальше. Записываю в протокол, что Владимира Иванова-Мохова на допросе пятого декабря вы не избивали.

— Пальцем не тронул.

— Отчего он к утру помер, не имеете никаких предположений?

— Помереть он мог лишь в том случае, если его избили сокамерники, — категорично заявил Лыков. — Эту возможность вы рассматривали? И что, наконец, написано в заключении тюремного врача о причинах смерти?

Чегодаев-Татарский положил перед сыщиком листок. Тот прочитал вслух:

— «Смерть наступила от внутреннего кровотечения вследствие разрыва селезенки, а также воспаления брюшины, вызванного разрывом тонкой кишки. Помимо застарелого перелома третьего ребра, полученного, видимо, несколько дней назад, имеется перелом четвертого ребра... Повреждения брюшной полости являются следствием сильных ударов в живот. Надломленный же конец четвертого ребра, загнувшись внутрь, ткнулся в сердечную мышцу и повредил ее. Все эти раны в совокупности и повлекли за собой смертельный исход». Однако... Лутили его бесчеловечно.

— Именно так. Эта поистине звериная жестокость заставляет прокурорский надзор непременно выявить и наказать злодея. Которым пока, по предварительным результатам следствия, является статский советник Лыков.

— Это не Лыков, а сокамерники. Теперь мне кое-что понятно. Ах, сволочь... Кайзеров с Дригой сводят со мной счеты. Вы допросили всех пятерых?

— Всех. Мы сейчас дойдем до этого, а пока скажите, лишь у двух упомянутых вами лиц есть на вас обида?

— Трех других я не знаю. А эти... Запишите в протокол, когда я с ними познакомился. Сведения легко проверить. Именно я засадил их обоих на каторгу, а там несладко. Вот вам самый настоящий мотив, повод для мести. Оговоры сыщиков — обычное дело в уголовной среде, не мне вам объяснять, Максим Васильевич.

Судебный следователь усердно заскрипел пером. Внеся слова допрашиваемого в протокол, он отодвинул его в сторону. Порылся в портфеле и извлек из него пять знакомых сыщику бланков.

— Вот их показания. Ни Кайзеров, ни Дрига не отрицают факта знакомства с вами. Но оба утверждают, что отнюдь не удивлены тем, что их сокамерник Мохов после разговора с Лыковым скончался. Ибо испытали в свое время на себе, какие у Лыкова тяжелые кулаки. По словам арестантов, вы бесчеловечно избивали их на допросах, что в тысяча девятисотом году в Киеве Луку Кайзерова, что в тысяча девятьсот восьмом году в Москве Степана Дригу. Что скажете на это?

— Максим Васильевич, давайте будем честны друг перед другом. Арестованных в полиции всегда бьют. Кроме как в Петербурге, конечно. Хотя и здесь бывает, но все же такие случаи пытаются скрыть... А в остальной России со